

**ЭЛЕОНОРА
РАТКЕВИЧ**

РУКОЯТЬ

МЕЧА

Деревянный Меч

Элеонора Раткевич

Рукоять меча

«Демина Людмила Дмитриевна»

2000

Раткевич Э. Г.

Рукоять меча / Э. Г. Раткевич — «Демина Людмила Дмитриевна», 2000 — (Деревянный Меч)

ISBN 978-5-699-34414-7

Можно ли изменить реальность, не изменив при этом судьбу? Могут ли все перемены быть переменами к лучшему? И как быть герою, если победа над Злом в одном его проявлении породила новое, не менее грозное воплощение Зла? Борьба во имя Добра длится вечно, и тот, кто вступает в эту борьбу, должен понять: здесь важна жизнь не только целого мира, не только целого королевства – важна жизнь и душа каждого человека... Так продолжается история Деревянного Меча...

ISBN 978-5-699-34414-7

© Раткевич Э. Г., 2000

© Демина Людмила Дмитриевна, 2000

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	41
Часть вторая	51
Пролог	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Раткевич Элеонора

Рукоять меча

Часть первая

Гобэй

Пролог

– Оставь немедленно свои дурацкие фитюльки!

– Слушаюсь, ваше величество. – Юкенна разжал пальцы, и гадальные бирки заструились из его руки на стол.

– Перестань кривляться, – недовольно произнес Юкайгин. – Можно подумать, что я, гнусный тиран, вынуждаю тебя во славу великих предков оторвать себе нос. А от тебя всего-то и просят не отвлекаться.

– Великая жертва, – скорбно вздохнул Юкенна и, с трудом сдерживая смех, возвел очи к небесам. За отсутствием в королевских покоях небес взгляд Юкенны уперся в потолок. На потолке не происходило ровным счетом ничего интересного. Юкенна посозерцал потолок, снова тяжело вздохнул и с видом оскорбленной невинности мрачно уставился на противоположный конец стола. Прямо перед собой Юкенна старался не смотреть, ибо перед ним возлежали его верительные грамоты. Каллиграфически выписанные знаки едва успели просохнуть, от них еще явственно, хотя и слабо, пахло свежей тушью.

– Ну когда ты за ум возьмешься? – укоризненно воскликнул его величество князь-король Юкайгин.

– Послезавтра утром, – незамедлительно ответил Юкенна.

– Послезавтра утром ты должен уезжать, – напомнил Юкайгин.

– Вот именно. – Юкенна лениво перебирал пальцами гадальные бирки. Послезавтра с первыми лучами рассвета я на десять лет отбываю из столицы. Над этим грех смеяться.

– Ты считаешь, что я отправляю тебя в ссылку? – вкрадчиво осведомился Юкайгин, начиная потихоньку свирепеть: хотя он и привык к выходкам своего племянника, но сегодня вечером Юкенна утратил чувство меры.

– Нет, – ответил Юкенна. – Я считаю, что только теперь я перестану скучать.

– По-твоему, должность посла учредили для развлечений?

– Нет, – усмехнулся Юкенна. – Иначе бы я удавился с горя. Мне скучно развлекаться. Я двадцать пять лет только тем и занят, что развлечениями.

– У тебя странные понятия о развлечениях, – проворчал Юкайгин. – Надо думать, когда ты три года назад раскрыл тот жуткий заговор, ты развлекался?

– Нет, – вновь усмехнулся Юкенна. – Тогда я радовался жизни целых пять дней. А потом заговор был раскрыт, и я опять стал... э-э... развлекаться.

– Начинаю понимать, – задумчиво произнес князь-король. – Значит, когда тебя и пятерых твоих оболтусов-приятелей прошлой весной во время охоты паводок отрезал и ты голодал и искал способ спастись, пока вы на своем островке не померли, ты тоже радовался жизни?

– И еще как радовался. – Юкенна припомнил все обстоятельства той злополучной охоты, и на его устах засияла блаженная улыбка. – А потом опять развлекался.

– Если так, – сухо заметил князь-король, – ближайшие десять лет скучать тебе не придется. А поводов для радости у тебя будет более чем достаточно. Быть послом в Загорье – не

самый приятный способ свести счеты с жизнью. Там постоянно что-нибудь случается. До сих пор я меньше всего на свете хотел отправлять в эту миссию именно тебя.

– Но все-таки отправляешь, хоть и против воли? – любопытно спросил Юенна. – Если не секрет, чему я обязан таким счастьем?

– В Загорье полагают, – с отвращением произнес Юкайгин и чуть скривился, – что, при-
слав к ним долгосрочным послом всего лишь вельможу, мы не проявили к ним должного ува-
жения.

– Воистину так, – подтвердил Юенна. – Насколько я помню, мой предшественник в
пьяном виде вечно читает своим сотрапезникам поэму собственного сочинения, а в трезвом
боится мышей и не любит ездить верхом. А еще у него лысина потеет.

Юкайгин бросил на Юенну взгляд, весьма далекий от одобрительного.

– На сей раз от меня потребовали прислать особу королевской крови, ядовито произнес
князь-король. – Ради все того же уважения. Они же не знают, что единственная особа коро-
левской крови, которую я могу сейчас назначить послом, – это ты.

– Скоро узнают, – утешительно пообещал Юенна.

– Вообще-то я подумывал ответить, что единственный подходящий по возрасту член
королевской семьи – оболтус и разгильдяй, каких поискать. Но потом передумал. Ты, конечно,
оболтус, но на тебя просто невозможно обидеться всерьез.

– А для посла это – немалое достоинство, – кивнул Юенна.

– Я начинаю думать, что это не единственное твое достоинство, – устало ответил Юкай-
гин. – Пожалуй, если ты предпочитаешь не развлекаться, а радоваться жизни, да еще и по столь
необычным поводам... пожалуй, я сделал лучший выбор, чем мне казалось. Кстати о развле-
чениях... сейчас ты развлекался или радовался жизни?

– Думаю, скорее радовался, – после минутного молчания ответил Юенна.

– Тогда сделай милость – когда придешь к месту назначения, постарайся радоваться
менее противным образом. Иначе как бы мне потом не пришлось радоваться жизни.

– Обещаю, – совершенно серьезно произнес Юенна.

– А если ты посмеешь нарушить обещание, – ехидно продолжил князь-король, – или
сплоховать как-нибудь иначе, я тебя не в темницу посажу и не в ссылку отправлю. Я тебя
отправлю на пиры с танцовщицами, понял? Ты у меня всю оставшуюся жизнь будешь прину-
дительно развлекаться и бездельничать.

– Может, лучше в темницу? – уныло осведомился Юенна.

– Ишь чего захотел, – отпарировал князь-король. – Знаю я тебя. Никакой темницы ты не
боишься. Такая угроза тебе нипочем. А вот теперь ты будешь относиться к делу как надлежит.

Князь-король был прав: темницы Юенна действительно не боялся. От темницы у него
остались самые приятные воспоминания. С тех пор, как он девяти лет от роду удрал от сво-
его учителя каллиграфии и полторы недели кряду успешно прятался от него в этой самой тем-
нице, устроить его подобной угрозой было невозможно. А вот возможность продолжитель-
ного безделья пугала Юенну невыразимо. Его деятельный ум жаждал работы. Артистическая
натура его искала выхода во всевозможных проделках и розыгрышах. Природная общитель-
ность и легкий авантюризм делали его непременно участником любого мало-мальски замет-
ного события. Его руки так и тянулись к любому еще не изведенному орудью, будь то меч,
кисть для письма или гадальные бирки собственно, он и выучился далеко не великосветскому
искусству гадания только для того, чтобы занять руки. Словом, должность посла была словно
нарочно для него создана. И подумать только – если бы не какой-то надутый спесивец из Заго-
рья, Юенна мог бы и не получить этого назначения. Юенна еще не знал, кто именно выдви-
нул столь абсурдное и надменное требование, но уже испытывал к этому человеку симпатию.
Он мысленно поклялся себе, что никогда не позволит себе в присутствии этого человека ни
малейшей вольности, ни единой выходки. И дело тут не только в том, что посол должен вести

себя солидно, – в этом Юенна как раз весьма и весьма сомневался. Просто он и помыслить не мог обидеть ненароком того напыщенного кретина, которому он обязан своим счастьем. Неблагодарность в число недостатков Юенны не входила.

Глава 1

Крысильня

Покойник проснулся первым. Он долго, но негромко кашлял, потом почти равнодушно выругался и сел. Его ругань и пробудила остальных побегайцев. Разбуженный раньше обычного Бантик зябко поводит спросонья могучими плечами. В глазах возмущенного Кастета еще плавала просоночная муть. Гвоздь глядел на Кильку и Морехода в упор; глаза его с сильным прищуром были совершенно ясными и осмысленными, словно проснулся Гвоздь не мгновение назад, а по меньшей мере час и уже успел умыться и сытно позавтракать.

– Вы все еще тут? – тихо осведомился он. Килька и Мореход съезжились.

– Мы уже вернулись, – слабо пискнул Мореход, потряхивая большой связкой рыбы. Покойник вновь закашлялся.

– Почему в такую рань? – поинтересовался Гвоздь. Вопрос был задан скорее для приличия, нежели по существу: судя по нахмуренному лицу Гвоздя, он если и не знал ответ, то по меньшей мере догадывался, и догадка не радовала главаря побегайцев.

– А клев сегодня такой... – Килька неопределенно пошевелил в воздухе пальцами, изображая тем самым небывалое великолепие предрассветного клева. – Рыба так и идет, так и идет...

– Скверно, – скривился Гвоздь. – Ладно, после поглядим...

Он встал и с хрустом потянулся.

Кэссин подумал, что утро началось отчего-то не только рано, но и плохо. В хорошем настроении Гвоздь говорил на таком густом портовом жаргоне, что Кэссин, новичок среди побегайцев, не всегда его и понимал. Чистая грамотная речь слетала с уст Гвоздя лишь в те минуты, когда с Гвоздем лучше не связываться. Разозлить Гвоздя обычно не так-то просто, и уж тем более не могло вывести его из себя раннее пробуждение. Спал Гвоздь чутко, просыпался легко... нет, определенно случилась какая-то неприятность. Вот только какая?

Покуда Кэссин размышлял, Гвоздь, Кастет, Покойник и Бантик уже умылись. Теперь к бочке с водой имели право подойти остальные побегайцы пониже рангом и помоложе годами. Кэссин не без удовольствия наблюдал за утренним умыванием Грязнули. Этот тощий парень словно задался сегодня целью оправдать свое прозвище. Он даже не сделал вид, что набирает полную пригоршню воды, а омочил пальцы и принялся размазывать грязь по лицу. Гвоздь неслышным шагом подошел к нему, схватил за волосы и с размаху окунул головой в воду.

– Завшивеешь – выгоню, – негромко пообещал он. – Понял, рожа немытая?

И снова макнул Грязнулю.

Завершать в голос Грязнуля не осмелился, но все же взвизгнул тихонечко: вода все-таки холодная. Визг его потонул в бочке и всплыл наверх гирляндой пузырярей. Только после этого карающая длань Гвоздя отпустила провинившегося.

– Жрать охота, – вздохнул Бантик. – А жареным и не пахнет.

– А кто сегодня должен рыбу жарить? – тоном провокатора осведомился Килька. Он был счастлив, что сегодня эта многотрудная миссия выпала не ему: ловить рыбу он умел и любил, а вот чистить ее, потрошить и жарить... нет уж, дудки!

– По-моему, Баржа, – предположил Покойник.

– Точно, Баржа, – кивнул Гвоздь, хмурясь все сильнее.

Плохо дело, опять подумал Кэссин. Утро не только началось, но и продолжалось из рук вон скверно.

Размышления его оборвал мощный рык Кастета:

– Разбудите Баржу!!!

И действительно, Баржа – единственный среди всех побегайцев – все еще спал. В него немедленно полетели ковшик для воды, сандалия Кэссина, небольшое полено и прочие предметы первой необходимости. Но Баржа продолжал спать, страдальчески морщась и вытянув губы трубочкой.

- Дрыхнет, паразит!
- Утопить Баржу!
- Во силен храпеть-то!

Гвоздь и Бантик протолкались к спящему Барже. Губы Гвоздя стянулись в тонкую линию.

– Да ну его, – презрительно протянул Покойник. – Без него управимся. Он нам спросонья такого нажарит, что даже крысы жрать не станут.

Гвоздь слегка заколебался: есть то, что приготовит разбуженный Баржа, ему не хотелось, но и падения дисциплины он допускать не собирался.

- Я приготовлю, Гвоздь, – не без опаски вмешался Кэссин.
- Твой черед третьего дня был, – напомнил ему Гвоздь.

– Ну и что, – не сдавался Кэссин. – От меня не убудет. А Баржа вместо меня бочку натаскает.

Бантик заржал.

– Ладно. – Гвоздь чуть приметно кивнул, давая свое милостивое соизволение на такую замену.

Кэссин выхватил у Морехода рыбу и опрометью выскочил за дверь. Не то чтобы он горел желанием возиться с готовкой не в свой черед. Просто Баржу ожидает куда более суровое возмездие, чем Грязнулю. Этого удивительно нечистоплотного пацана макали в воду головой, а то и запихивали туда по крайней мере дважды в месяц. Принудительное купание Грязнули успело превратиться для побегайцев во что-то вроде привычного утреннего развлечения. Пожалуй, они бы затосковали, надумай Грязнуля мыться по утрам, как все остальные. А вот проступок Баржи куда серьезнее. Говорят, при прежнем вожаке дело обстояло иначе, но Гвоздь поддерживал среди побегайцев железную дисциплину. Каждое утро двое пацанов вскакивали еще затемно и отправлялись на рыбную ловлю к песчаной косе – лучше всего перед рассветом рыба клевала именно там. Вернувшись с уловом, рыбаки будили остальных. Пока население Крысильни продирало глаза, ругалось, одевалось, умывалось и наслаждалось созерцанием мытья Грязнули, кто-то один готовил рыбу. Насытившись, побегайцы отправлялись в порт. Там среди мешков и ящиков передвигались высшие существа, кумиры, полубоги и покровители побегайцев грузчики, такие огромные и великолепные, могущественные и мудро снисходительные. Побегайцы смотрели, разинув рот, как их герои ворочают пудовые мешки с зерном или пряно-стями, как они поднимают громадные ящики с заморскими фруктами или несут длинные тяжелые ковры. Боги побегайцев были воистину могучими – под их шагами гнулись сходни. Время от времени один из этих гороподобных созданий словно бы спотыкался, ящик летел наземь, разбивался, и тогда – не зазевайся, побегаец! – во все стороны катились яблоки, тяжело шлепалось в пыль копченое мясо, с сухим шелестом высыпались сухари... Побегайцы мигом расхватывали эти бесценные сокровища и тут же давали деру, а грузчик уже втолковывал степенно бедолаге-купцу: «Так ведь ящик ну совсем гнилой. И кто вам, почтеннейший, такую заваль спихнул? Совсем ведь барахло негодящее...» Подобная божественная милость взывала к благодарности побегайцев, и побегайцы старались: они бегали в лавку за едой для своих покровителей, таскали им воду для умывания, ходили по всевозможным мелким поручениям, а особо доверенные побегайцы из тех, кто посильнее и постарше, даже помогали грузчикам. Зачастую они и сами становились впоследствии грузчиками. Грузчик для этих бездомных подростков олицетворял высшую мудрость и милосердие, он был подателем хлеба насущного. А потому стоило грузчику обернуться, и он видел рядом шустрого побегайца, нетерпеливо приплясывающего, готового бежать куда угодно и исполнять любое поручение. Ни у одной из уличных

шак не было такой привольной и сытой жизни, как у побегайцев, и те вовсе не собирались ее лишаться. А ведь именно этим и могла окончиться выходка Баржи. Либо побегайцам придется идти в порт голодными – а из голодного какой же работник? Либо нужно разбудить Баржу и дожидаться завтрака, а уж потом идти в порт. А в порту тебя никто ждать не станет: пришел – а место твое, глядишь, уже и занято. Мало ли в городе совершенно таких же уличных мальчишек! И ведь не выставишь их потом из порта: разборки среди своих подопечных – будь то с применением оружия или без него – грузчики не жаловали. Попробуй только затеять скольконибудь серьезную драку, и порт мигом окажется запретной территорией. Тогда придется распрощаться с сытой жизнью, с теплой Крысильней, с дармовыми опилками и щепками для растопки, которые побегайцы мешками таскали с верфи, и уподобиться многострадальным шайкам, имеющим несчастье прозябать где-нибудь в торговых кварталах. Уже несколько раз именно таким образом состав побегайцев менялся – частично, а то и полностью. Но Гвоздь поклялся, что, пока он остается главарем побегайцев, ничего подобного не произойдет, и до сих пор слово свое держал. Ох и набьют же морду Барже – подумать страшно! Вообще-то отлупить Баржу не так-то просто: для своих пятнадцати лет Баржа был невероятно высок, широк в плечах и силен. Его могучие тела вызывали бешеную зависть у хилого Кильки, который вечно ворчал, что уж он-то на месте Баржи знал бы, как распорядиться такой силой. Но на сей раз Баржа ухитрился восстановить против себя тех немногих, кто действительно мог навешать ему плюх, – Гвоздя, Бантика и Кастета. Кастет, мечтавший о карьере воина, был хотя пониже ростом, но дрался, как и подобает будущему воину. В последнее время он начал неожиданно быстро расти и был вечно голоден. Сама мысль о возможности остаться без еды приводила его в умоисступление. Даже Бантик не так мучительно нуждался в еде, хотя и его налитое тяжелой силой тело было нелегко прокормить. Сын приграничного кузнеца, погибшего во время последней войны, Бантик привык много есть и очень много работать, и кулак его ударял с силой и скоростью кузнечного молота. Этого громадного, сумрачно-застенчивого подростка недаром называли Бантиком: свое право на пребывание среди побегайцев он доказал, завязав бантиком железный дрын, попавший ему под руку. Бантик мечтал сделаться грузчиком, и мечта его должна была не сегодня-завтра осуществиться: он не только работал, но и выглядел, как взрослый. Ему предстояло вот-вот покинуть Крысильню и присоединиться к сонму громадных полуголых полубогов с мешками на широких плечах. И чтобы все рухнуло в одночасье из-за какого-то Баржи... ну уж нет! Что касается Гвоздя, то он не был сильнее Баржи, но как будущий вор знал такие ухватки и приемы, против которых тяжеловесный медлительный Баржа не выстоял бы и минуты, даже вздумай он сопротивляться. Словом, любой из троих одержал бы победу над Баржей и в одиночку, а уж тем более втроем они справятся с ним шутя. Бантик почти никогда не дрался, но Бантика почти никогда и никто не видел сердитым. Кэссин думал, что не существует на свете причины, способной разгневать Бантика, Гвоздя и Кастета одновременно. Он ошибся. Впервые Бантик присоединился к жаждущим возмездия Гвоздю и Кастету. Кара Баржу ждет суровая и неминуемая. Кэссин предпочел не видеть подробностей расправы: уж лучше рыбой заняться.

Кстати о рыбе – пора бы прекратить размышления о горестной судьбе Баржи и заняться рыбой. Промедли Кэссин еще немного, и вина за всеобщее опоздание падет уже не на Баржу, а на него самого. Тогда в пору будет размышлять уже о том, где завтра ночевать и что сегодня есть: если Баржу только поколотят, то Кэссина почти наверняка еще и прогонят.

С полминуты Кэссин сосредоточенно разглядывал улов. Рыбины были крупные, и на связке их болталось слишком много. Пока он успеет начистить и выпотрошить, а потом еще и изжарить всю эту грудку рыбы... нет, лучше не тратить время на такие глупости. Зачем жарить рыбу, когда ее можно целиком запечь на углях. Правда, Гвоздь и Покойник предпочитают жареную рыбу печеной, но вряд ли они будут сегодня особо придираются.

Гвоздь не только не стал придирается, но даже удостоил Кэссина похвалы за сообразительность. Когда Кэссин внес в Крысильню печеную рыбу, хмурое выражение на лице Гвоздя несколько смягчилось.

– Смекаешь, Помело, – одобрил Гвоздь, отламывая большой кусок еще дымящейся рыбины и дуя себе на пальцы. – Бывают же и у тебя дельные мысли. Может, еще и поспеем вовремя.

Побегайцы налетели на рыбу, совершенно не заботясь о том, что младшие хватают еду вперед старших, и те не возражали: какое там уважение, сейчас главное – успеть! Последним робко приблизился к еде Баржа. К удивлению Кэссина, физиономию Баржи украшал единственный синяк – судя по размерам, появлением своим синяк был обязан кулаку Бантика. Тем не менее вид у Баржи был несчастный до невозможности.

Когда все, обжигаясь и шипя от боли, кое-как насытились, Гвоздь вывел всю честную компанию в порт. Быстрым шагом шли побегайцы вдоль морского берега.

Погода стояла замечательная. Утреннее солнце грело всюю, легкий ветерок приятно щекотал теплой пылью босые ноги, небо было безоблачным. Но ни синее небо, ни яркое солнце никак не повлияли на мрачное настроение Гвоздя. Всю дорогу он зло насвистывал что-то сквозь стиснутые зубы. Наконец Гвоздь не выдержал.

– Воробей, – распорядился он, – живо дуй в порт. Посмотри, что там и как.

Самый быстроногий среди побегайцев, юркий загорелый парнишка по кличке Воробей, опрометью помчался в порт. Кэссин недоумевал, зачем Гвоздь послал Воробья на разведку. Да что такого необычного может случиться в порту? Вряд ли какие-нибудь ушлые соперники уже заняли место побегайцев: благодаря осенившему Кэссина наитию побегайцы если и опаздывали, то самую малость. Непонятное что-то сегодня с Гвоздем творится...

Воробей вернулся так быстро, а Гвоздь при виде его так нахмурился, что Кэссин не успел довести свои соображения до конца.

– Новые корабли пришли? – нетерпеливо спросил Гвоздь, не давая Воробью толком отдышаться.

Воробей замотал головой, еще не в силах говорить после быстрого бега.

– В море тоже никто не вышел, – сообщил он, с трудом переводя дух. Так и стоят.

– На якорях стоят или шваргуются? – переспросил Гвоздь.

– Шваргуются, – кое-как выговорил Воробей.

– Так я и знал, – с отвращением произнес Гвоздь. – Сегодня у нас работы будет самую малость. По крайней мере с утра. Вот разве что поближе к вечеру...

– Но почему? – изумился Кэссин вслух: искусству держать язык за зубами он пока еще толком не научился.

До личного объяснения Гвоздь не снизошел.

– Мореход, – сплюнул Гвоздь, – объясни придурку. Маленький Мореход выпятил тощую грудь и шагнул вперед.

– Шторм потому что, вот почему, – произнес гордый оказанным доверием Мореход.

– Какой шторм? – еще больше удивился Кэссин. – Так, ветерок еле-еле...

Мореход длинно и важно сплюнул, подражая не столько Гвоздю, сколько тому матросу, который когда-то подарил ему самый настоящий морской талисман: бляшка бронзовая, на одной стороне мостик горбатенький, а на другой – лодочка под парусом. Моряк говорил, что на его родине почти все матросы носят такие вот талисманы, чтобы и на море не потонуть, и дома с моста в реку не свалиться. С того дня Мореход и стал Мореходом: этот тщедушный малыш всерьез вознамерился стать со временем моряком, а потом и капитаном. Никто из побегайцев не знал о море столько, сколько Мореход, кроме разве что Гвоздя, да и то вряд ли. Он всегда был рад случаю поговорить о море, о приглубых берегах и всяких там подводных течениях и мог заговорить без малого насмерть всякого, у кого достанет легкомыслия прислушаться к

нему. Обычно Гвоздь не давал ему долго излагать свои соображения, но теперь он сам велел... час Морехода пробил, и он собирался насладиться своей ролью знатока морей сполна.

– Сам ты еле-еле, – сказал Мореход, отдавая невыразимым презрением безнадежно сухопутного Кэссина. – Это здесь ветерок, а вон там... да нет же, куда ты смотришь? Ну, Помело и есть Помело. Вон туда смотри – видишь?

Кэссин не сразу понял, на что указывает Мореход: поначалу он принял облако за продолжение горной гряды. Но камни не могут двигаться, а облако двигалось, и притом невероятно быстро. Облако было длинное, темное и такое тяжелое, что казалось, будто оно не по воздуху движется, а плывет, перекачываясь с волны на волну, прямо по воде.

– Опять же вода какая темная, – подробно разъяснял Мореход. – И прилив высокий. Быстрый и очень высокий. Ветром в бухту воду нагоняет. Поэтому корабли и становятся на крепкие швартовы; Тут одним якорем не обойдешься. И зыбь всюю...

Кэссин покорно вздохнул: сам он под страхом смертной казни не разобрался бы, что такое рябь, а что – зыбь. Но Мореходу видней. Раз он сказал, что зыбь, значит, так и есть.

Гвоздь шагал рядом, с непонятным удовольствием вслушиваясь в речь Морехода.

– Скорее всего шторм стороной пройдет, – продолжал рассуждать Мореход, – хотя наверняка сказать трудно. Если мимо пройдет, тогда у нас вечером работы будет навалом. Сейчас кораблей нет, потому как их шторм задерживает. Пока они из него выберутся... ну а если к вечеру и здесь заштормит, тогда, ясное дело, никто ничего разгружать не будет.

– Я так и понял, что штормит сегодня, – заметил Гвоздь, и Мореход одарил его уважительным взглядом: ничего не скажешь, понимающий человек этот Гвоздь.

– Еще в Крысильне? – не поверил Кэссин.

– Салага ты, – пренебрежительно протянул Мореход. – Когда это мы столько рыбы приносили, да еще так быстро? Перед штормом рыба к песчаной косе сбивается. А штормяга здоровенный, столько ее сегодня там было – в уме помрачиться можно. Хоть голыми руками из воды выбирай.

Только теперь Кэссин понял, отчего богатый улов привел Гвоздя в столь скверное расположение духа.

– Так, выходит, ты и правда знал! – воскликнул Кэссин.

– Ясное дело, – ответил Гвоздь, не оборачиваясь. – Если бы я надеялся, что у нас сегодня работа будет, я бы Баржу за такие дела вовсе бы прибил на месте. Считаю, повезло дармоеду. А так никто по нам особо не страдает. Вот только покажемся в порту, сгоняем разок-другой куда пошлют, а там видно будет.

Гвоздь оказался прав. Сгонять разок-другой действительно пришлось, но после того, как последний грузчик с хрустом вгрызся в принесенное расторопным побегайцем яблоко, стало ясно, что другой работы на сегодня нет и не предвидится. На всякий случай побегайцы не стали расходиться, а пристроились в проходе между складами с тем расчетом, чтобы не терять из виду ни моря, ни причал, ни грузчиков. Место для вынужденного отдыха Гвоздь выбрал не без умысла: не только побегайцы могли видеть все как на ладони, но и их самих нельзя было не заметить. Любо́й грузчик, решивший скрасить ожидание корабля закуской, а то и выпивкой, мог не сходя с места махнуть рукой любому пацану из тех, что с таким уютом разместились на куче старых ящиков.

– Давай, Помело, – распорядился Гвоздь, устремив взор куда-то за линию горизонта. – Заснул, что ли?

Побегайцы, уже было совсем расположившиеся на отдых, задвигались нестройно и радостно. Обычно Помело метет языком только по вечерам, перед сном, и то недолго. Не успеешь заслушаться толком, а неумолимый Гвоздь уже обрывает рассказчика, и Крысильня неохотно отрывается от захватывающей дух истории. Нет худа без добра – хотя надвигающийся

шторм и лишил побегайцев приработка, зато уж они смогут насладиться всевозможными байками в полную сласть: времени до вечера вон еще сколько!

– Рассказывают, – неспешно начал Кэссин, обведя слушателей долгим взглядом, – что один великий воин...

Через три часа Кэссин изнемогал. Ему ни разу еще не приходилось рассказывать подолгу, без умолку, без малейшего отдыха. У него всегда было в запасе время от одного вечера до другого – припомнить читанную или слышанную когда-то историю, а то и придумать свою, склеив ее наскоро из обрывков других, не менее захватывающих повествований. На сей раз особо раздумывать было некогда: Кэссин был вынужден говорить, говорить, говорить... Кэссину начало казаться, что во рту у него не язык, а по меньшей мере весло: внутри не помещается и двигаться должным образом не хочет. Не только усталость была тому причиной. Шторм приблизился, и его приближение было ощутимо даже для неопытного Кэссина. Ветер не усилился наоборот, даже вроде утих, – но в воздухе куда сильнее обычного пахло солью, и этот соленый воздух давил, плотно облегал кожу. Дышать предштормовым воздухом было трудно. Тем более тяжело приходилось рассказчику. Но великие воины тем не менее исправно побеждали страшных чудовищ, а великие маги творили и вовсе умопомрачительные чудеса, хотя у их создателя и пересохло в глотке.

– Здорово, – сосредоточенно одобрил Гвоздь, не глядя на Кэссина. Во время рассказов он то и дело взмахивал босой ногой, безошибочно вылавливая пальцами песчаных прыгунчиков: насекомых наподобие кузнечика, только раза в два поменьше и куда более прытких. Кэссин не мог определить, к чему относится одобрение Гвоздя – к его рассказу или к удачной поимке очередного прыгунчика.

– Действительно хорошо, – произнес незнакомый голос. – Я прямо-таки заслушался.

Из-за кучи ящиков показался неброско одетый человек самого неопределенного возраста – эдак от двадцати пяти до пятидесяти лет: лицо без глубоких морщин, а волосы с проседью.

– Я хоть и по своим делам шел, а мимо пройти не смог, доброжелательно улыбнулся незнакомец.

К удивлению Кэссина, Гвоздь улыбнулся в ответ. Только тогда Кэссин и сам осмелился ответить улыбкой нежданному слушателю. Не иначе, Гвоздю так понравился последний рассказ, что он пришел в невероятно хорошее расположение духа. Да, так оно и есть. Иначе с чего бы это Гвоздь так разулыбался. Ему бы в пору помрачнеть: ведь незнакомец подошел так, что его ни Покойник, ни Кастет, ни сам Гвоздь не услышали. Тут бы главарю побегайцев рвать и метать, а он ухмыляется до ушей. Да, странные дела сегодня творятся.

– Держи, парень, – произнес незнакомец, и в руку обалдевшего Кэссина скользнула крупная серебряная монета. – На базаре за такую работу больше платят... ну так не взыщи, на базаре слушателей много.

Кэссин хотя бы поклониться сообразил – и то хорошо. Он не успел найти приличествующих для изъявления благодарности слов: незнакомец уже удалялся быстрым широким шагом. Небось заслушался, да и опоздал по этим своим делам и клянет сейчас последними словами и себя, и пустомелю-пацана, который задержал его своими побасенками. А за рассказы заплатил. Ничего не скажешь, понимает, что такое вежливое обхождение.

– Да чтоб я сдох! – восхищенно прошептал Килька.

Кэссин опомнился и протянул Гвоздю сверкающую монету. У него и мысли не возникло оставить монету себе. Конечно, отбирать его законный заработок Гвоздь ни за что не станет, но... нет, нет, лучше и не пытаться.

– Мда Помело, – протянул Гвоздь. – Добытчик. Может, из тебя еще толк и будет.

Он встал и окинул взглядом море и порт.

– Как думаешь, Мореход, шторм сюда, пожалуй, через час-другой доберется? – произнес он не столько вопросительно, сколько утвердительно.

Мореход подумал недолго, тоже посмотрел на море и кивнул.

– Может, даже и раньше, – заявил он.

– Значит, сегодня работы не будет, – подытожил Гвоздь. – Тогда так. Бантик, бери деньгу и дуй в лавку. Покупай на все, – и он вручил Бантику монету, – и для всех. Помелу двойная доля: его добыча. Пусть там в лавке посчитают, возьми его вторую часть медяками, а на остальное покупай. Кастет со мной идет на верфь, за опилками. Баржа наполняет бочку. Всем остальным – живо в Крысильню, пока никого в море не посмывало.

Кэссин не вполне понял, как именно Гвоздь распорядился неожиданными деньгами. С него уже и того хватало, что не ему предстоит бегать с ведрами, тщетно надеясь успеть наполнить бочку прежде, чем его настигнет ливень. Кстати, а зачем вообще бегать с ведрами накануне шторма? Достаточно выкатить бочку из Крысильни, а там уже ливень сам о ней позаботится. Кэссин бы так и сделал... а вот Барже, похоже, придется побегать с полными ведрами под проливным дождем. И похоже, что Гвоздь еще с утра принял решение. Недаром на физиономии Баржи красовался один-единственный синяк, и разукрасил Баржу вовсе не Гвоздь. Да, так оно и есть. Вздумай Баржа затеять драку, и быть бы ему битым. Но проступок Баржи был иного рода. Баржа поленился – и теперь ему придется поработать всерьез.

Мореход не ошибся: едва побегайцы успели добежать до Крысильни, как небо начало заволакиваться быстрыми тяжелыми темными облаками. Небо вспорола трескучая сухая молния, осветив Бантика с целым мешком всевозможных вкусоностей на могучих плечах. Потом ахнул гром, и мгновение спустя Крысильню накрыл шторм.

Когда побегайцы скинули влажные куртки и выжали волосы, дверь отворилась, и в Крысильню был вброшен мешок. Спустя недолгое время дверь отворилась снова. Голые, в одних набедренных повязках, со свернутой в жгуты одеждой, вошли Гвоздь и Кастет. Теперь все были в сборе.

К удивлению Кэссина, когда Кастет разложил мокрые одежды на просушку, они оказались чистыми, да и сам Кастет не увозился в дорожной грязи по самые уши, как можно было ожидать. Вот почему парни сначала вбросили в Крысильню мешок с опилками и только потом вошли сами. Ливень смыл с них грязь и выстирал их одежду. Ай да Гвоздь! Эту его уловку Кэссину стоит запомнить.

– Вот сдача, – сообщил Бантик, пересыпая в руку Гвоздя горсть медной мелочи. – Помоему, верно сосчитано.

Гвоздь немного помедлил, пошевелил губами, затем кивнул.

– До последнего гроша, – подтвердил он. – Держи, Помело. Это твоя доля.

Медяки оказались тяжелыми и неожиданно теплыми: очевидно, они согрелись в большом кулаке Бантика. У Кэссина давно не было собственных, только ему принадлежащих денег... Давно? Да почитай, что и никогда. Кэссин обалдело таращился на ровную кучку медяков, остывающих на его ладони, безотчетно пересчитывая их в уме еще и еще раз. После четвертого или пятого подсчета он наконец сообразил, что означали загадочные распоряжения Гвоздя. К общему числу побегайцев Бантик попросту прибавил еще одного человека и разделил деньги между всеми поровну. На все доли, кроме этой последней, он и закупил разносолов для предстоящей пирушки. Последнюю долю он взял деньгами. Именно они и принадлежали Кэссину как его законный заработок.

– Показывай, что принес, – распорядился Гвоздь, наклонясь над мешком со снедью.

– Показывай... – пробурчал вечно голодный Кастет. – Еда как еда. Чего ее показывать? Ее есть надо...

Содержимое мешка было извлечено на свет под радостные восклицания всей ватаги побегайцев и разделено по справедливости. В общей пирушке не принимал участия только

Баржа. Его долю никто не тронул, но приступить к ней Барже доведется не скоро. Покуда остальные наслаждались непривычными лакомствами, Баржа подхватывал ведра и выносил их под дождь. Когда ведра наполнялись, он вновь выходил, подхватывал ведра, с шумом выливал их в бочку и опять выставлял их под дождь. Привычные к суровым мерам Гвоздя, побегайцы восприняли это как должное. Ясно как день, что Гвоздь еще не простил Баржу за утреннюю выходку и не дозволит Барже присоединиться к трапезе, пока бочка не наполнится. И все же Баржа неосмотрительно попытался поканючить, решив по лености ума, что сытый Гвоздь окажется снисходительней Гвоздя голодного.

– Ну, Гвоздик... – заныл было он, печально гремя пустыми ведрами.

– Я те дам Гвоздика, – ласково пообещал Гвоздь, не оборачиваясь. – Я тебя самого в пол вколочу. По самую шляпку. Радуйся, что сегодня шторм, не то ты бы у меня неделю с ведрами бегал.

Баржа издал душераздирающе страстный вздох и поплелся к двери, укоризненно погромыхая ведрами.

– Шторм – это хорошо, – задумчиво произнес Покойник, обсасывая утиную косточку. – Не то пришлось бы нам сегодня Порченого кормить.

– Чтоб тебе на сходнях поскользнуться! – возмутился Гвоздь. – Нашел кого поминать.

В самом деле одно упоминание о Порченом могло испортить Гвоздю не только аппетит, но и настроение. Порченого Гвоздь ненавидел люто – в значительной мере еще и потому, что не мог от него избавиться.

Когда Гвоздь был самым младшим среди побегайцев, Порченный еще не был Порченым. Его звали Красавчик. Он и в самом деле был редкостно хорош собой, да притом и сметлив не по годам. Из Красавчика мог бы получиться неплохой вор или ярмарочный зазывала. Однако примерно в возрасте Гвоздя Красавчик пристрастился к «смолке» – так называли в здешних краях наркотическую смолу змеиного дерева. «Смолки» Красавчику требовалось все больше, а денег на нее было все меньше: когда руки дрожат, много не наворуешь. И Красавчик сменил профессию. Не пропадать же даром смазливой роже! Красавчик пустил ее в оборот. Он сделался сутенером-посредником. Находил для публичных домов хорошеньких девушек, порядочных, а потому неопытных и падких на лесть, соблазнял их, а затем сбывал заказчикам. Он больше не жил в Крысильне: у него в порту было свое, вполне законное жилье. Но Порченный частенько навевывался к побегайцам – поразглагольствовать о старых временах, а заодно и пожить на дармовщинку. Избавиться от его посещений Гвоздь не мог: Порченный поставлял девиц не только сторожам, но и портовому начальству. По давней традиции оно смотрело сквозь пальцы на то, что заброшенный склад заморских красителей превратился в приют для банды бездомных мальчишек. Но если Порченого разозлить, он может устроить побегайцам уйму самых изощренных неприятностей. А уж изгнать побегайцев из Крысильни – в два счета. Приходилось терпеть и надеяться, что когда-нибудь сгубит Порченого его пристрастие к «смолке». Другой бы на его месте давно сам на смолу растекся, а Порченому хоть бы что. Вот ведь какую мразь боги одарили несокрушимым здоровьем! Некоторое утешение приносили сентенции Покойника о том, что видал он таких здоровых, во всех видах видал. Поначалу будто и ничего, и потом – ничего, и долго еще вроде как бы и ничего, а потом за считанные месяцы превращается «здоровый» в ходячий мешок с костями. Только надежда на это сладостное видение помогала побегайцам терпеливо сносить визиты Порченого. Правда, Кэссин был уверен, что Гвоздю одной надежды мало и терпение его окончится в тот прекрасный день, когда он придумает, как разделаться с Порченым, чтобы побегайцы остались в стороне.

– Вкуснотища! – невнятно промычал Килька с полным ртом.

– Угу, – поддержал его Воробей. – Вот бы каждый день так!

– Ну, каждый не каждый, – протянул Гвоздь, – а дело, если вдуматься, возможное. Ты ведь, Помело, совсем без ума живешь. Я и раньше думал, что из тебя базарный рассказчик

может выйти, а теперь точно уверился. Вышел бы с утра пораньше на рыночную площадь со своими байками – и ничего больше не надо. Жил бы себе, как сундук в меняльной лавке: никуда бегать не надо, а денег прибавляется.

Кэссин помотал головой. Он еще не был готов к серьезной работе, к долгим публичным представлениям. Слегка саднящее после непрерывных рассказов горло окончательно утвердило его в этой мысли: рано ему думать о карьере базарного рассказчика, не готов еще. Хотя, с другой стороны, если за небольшую хрипотцу, которая к утру минет, платят полновесным серебром... может, не так уж и не прав Гвоздь? Над этим определенно стоит подумать... но не сегодня, не сейчас, когда ему так хорошо, так уютно... когда его разморило после сытного ужина... когда он умудрился снискать одобрение Гвоздя, да притом не единожды... когда так мирно и приятно окончился для него день, суливший одни неприятности... когда еще не хочется спать по-настоящему, но сил соображать уже нет...

У его ног, ласково мурлыча, пристроился Треножник – на удивление тощий котенок с перебитой лапой, любимец и баловень побегайцев. Кормили его в Крысильне до отвала, но он каким-то непостижимым образом все равно оставался костлявым, как рыбий скелет. Обычно Кэссин при виде Треножника задумывался, как ему это удастся, но сегодня он не был способен даже на такую незатейливую мысль. Он молча почесывал округлившееся пузико Треножника.

Гвоздь принялся за свой ежевечерний ритуал, за последние два года ставший для обитателей Крысильни таким же привычным и естественным явлением, как восход или закат. Когда Крысильня готовилась отойти ко сну, Гвоздь вынимал древний, некогда обшарпанный сундучок, найденный им на свалке. После того как над сундучком потрудились руки Бантика, Кастета и самого Гвоздя, признать в нем прежнюю рухлядь было невозможно. Теперь он выглядел хотя и старым, но добротным. Каждый вечер Гвоздь некоторое время оглаживал взглядом выпуклую крышку сундучка, потом с тихим вздохом откидывал ее и извлекал наружу содержимое сундучка – полную перемену платья, купленную Гвоздем по случаю года полтора назад. Одежда, хотя и чуть поношенная, выглядела почти новой. Такой кафтан не стыдно надеть не только богатому ремесленнику, но даже купцу средней руки. Кафтан был все еще великоват Гвоздю: краденый праздничный наряд Гвоздь купил на вырост. И каждый вечер Гвоздь мечтательно созерцал его, предаваясь упоительным видениям. Он мечтал о том времени, когда он станет не каким-то там побегайцем, а настоящим взрослым вором. Тогда он нарядится, как и подобает мужчине с достатком, и поведет свою женщину в настоящее заведение, а не в припортовую забегаловку, где, кроме кислого вина и жареных осьминогов, ничего не подают. Сладостный миг должен был наступить довольно скоро: среди взрослых воров Гвоздь уже пользовался уважением, уже несколько раз ходил с ними «на дело» и даже выбрал шайку, к которой хотел бы присоединиться. По слухам, он уже успел заручиться согласием вожака шайки, но подробностей этих переговоров Крысильня узнать не смогла. Гвоздь честно исполнял свою нелегкую обязанность главаря побегайцев и не делал ничего, что могло им повредить. Он никогда не крал в порту или вблизи порта и никогда не распространялся среди побегайцев о своих воровских подвигах. Поговаривали, что недавние отлучки Гвоздя связаны со столь же недавними дерзкими кражами, о которых судачит весь город, что у него уже есть женщина, а то и две, и не девчонки какие-нибудь, а настоящие женщины, и обе им премного довольны... но говорить можно о чем угодно. В присутствии Гвоздя разговоры стихали. Никто не осмеливался пристать к Гвоздю с расспросами, никто и никогда не прерывал вечерний ритуал любования своим будущим воровским великолепием. Тем более никогда этого не делал Кэссин. Зато он мог вволю фантазировать о том, что именно предстает перед мысленным взором Гвоздя в такие минуты. Ему даже хотелось сочинить очередную историю о мечтах Гвоздя, но он вовремя одумался. Такую байку нельзя рассказать никому. Историю эту Кэссин все же сочинил – для самого себя, – и она приходила ему на ум всякий раз, когда Гвоздь тешился созерцанием наряда.

Кэссин смотрел на Гвоздь и улыбался собственным выдумкам. На сей раз он не увидел, как Гвоздь любовно расправляет наряд, складывает его и со вздохом убирает в сундучок. Он заснул раньше, чем Гвоздь наслаждался своими мечтами. На плече Кэссина мирно спал Тре-ножник, по временам издавая тихое сытое урчание.

Наутро Крысильня вновь пробудилась необычно рано, хотя и по другой причине. Шторм за ночь отбушевал, и кораблей у причалов наверняка прибавилось. Разгружать их сегодня начнут рано, а значит, и побегайцам нужно поторапливаться. Гвоздь по такому случаю даже утреннюю рыбалку отменил: побегайцы наскоро перекусили остатками вчерашнего пиршества. Все же маленькое отступление от правил зачастую чревато большими последствиями, и Гвоздь отправил Покойника наловить рыбы и изжарить ее к приходу побегайцев: после вчерашнего шторма Покойник чувствовал себя скверно, и в порту от него толку не будет, а оставить его в Крысильне без видимой причины не так-то просто: самолюбие не позволяло Покойнику отлеживаться, покуда все остальные при деле. В такие дни Кэссин при полнейшем попустительстве Гвоздя притворялся больным, и Гвоздь оставлял Покойника «присматривать за этим задохликом недоделанным». Когда Кэссин впервые измыслил этот трюк, он до одури боялся, что Гвоздь поколотит его, а то и выгонит, но все же рискнул: когда бы не Покойник, который и привел его в порт, Кэссин давно помер бы с голоду. Однако все обошлось. Гвоздь не раскусил обмана.

На самом деле Гвоздь разоблачил неумелого симулянта мгновенно. Именно тогда он и решил, что Покойник не ошибся в новичке, и гнать его взашей, как он недавно намеревался, не стоит. Разумеется, он не сказал Помелу ни слова – ни о том, что его неуклюжий обман раскрыт, ни о том, что его никто и никуда не выгонит. Незачем этому недоумку слишком много знать: избалуется. Однако симпатии к Помелу у Гвоздя прибавилось: не каждый сможет и захочет с риском для себя выдумать для Покойника предлог отдохнуть, пощадив при этом его гордость. После Кастета Покойник был самым близким другом Гвоздя, и Гвоздь оценил поступок Помела по достоинству.

По счастью, сегодня Покойник в подобной услуге не нуждается. Пусть себе ловит рыбку, покуда остальные заняты в порту. Работы предстоит выше головы, знай только успевай.

В душе Кэссин был искренне благодарен Гвоздю за его решение. Работы и впрямь оказалось столько, что здоровому человеку умотаться в пору – не то что Покойнику. Когда грузчики устроились на обед, Гвоздь впервые на памяти Кэссина нарушил свое неписаное правило – не отходить от них дальше, чем на десять шагов. Он увел изнемогающих побегайцев на ту грудку ящичков, где они сидели вчера, и велел расположиться на недолгий отдых.

– Расскажи что-нибудь, Помело, – отчаянно зевая, попросил Воробей. Не то усну, ей-слово.

– Дело говоришь, – одобрил Гвоздь. – Рассказывай, Помело.

Кэссина пронизало предчувствие. Он начал рассказывать, дрожа от сдержанного ожидания, и совершенно не удивился, когда из-за ящичков вновь возник давешний незнакомец. У Кэссина мигом пересохло в глотке, но он не позволил себе сбиться или даже сглотнуть. По всей видимости, его усилия не пропали даром: никто из побегайцев не заметил вчерашнего случайного слушателя, никто даже не обернулся. Ай да Кэссин! Надо же, до чего увлеклись побегайцы его рассказом! Пожалуй, даже слишком... пора и прекратить его, не то отдых продлится больше, чем рассчитывал Гвоздь, – и вряд ли Гвоздь будет благодарен Кэссину за задержку.

– А как воин обманул мага, я вам завтра расскажу, – нахально заявил Кэссин, спрыгивая с ящичков наземь.

– Непременно приду послушать, – звучно, хоть и негромко произнес незнакомец. – А пока держи, парень. Заработал.

И в руке Кэссина вновь оказалась тяжелая серебряная монета.

Глава 2

Черным по белому

Овальная печать канцелярии Тайного Приказа тускло синела в левом верхнем углу пергамента. Рядом с ней примостился узкий черный прямоугольник.

Его высокородное благолепие господин Главный министр Тагино досадливо сморщился. Черная прямоугольная печать означала, что перед ним не оригинал письма, временно выкраденный магическим образом, а всего лишь снятая учеником мага копия текста. А ведь он велел доставить ему не копию, а само письмо!

– Где оригинал? – нетерпеливо спросил он, небрежно поигрывая перстнем с неприметным серо-розовым плоским камнем. Зато на камне этом вырезана его личная печать, и одно прикосновение этого камня к бумаге способно изменить жизни многих людей – а то и уничтожить их вовсе.

– Моя вина, ваше высокородное благолепие! – Начальник Магической канцелярии распростерся ниц, касаясь лбом пола.

– Прекратите вылизывать мрамор, Нигори, – холодно произнес Тагино, это и без вас найдется кому делать. Не гневите меня попусту.

Нигори испуганно воззрился на господина министра снизу вверх, но не встал.

– Я ведь говорил вам, Нигори, – все так же холодно и мягко продолжал Тагино, – мне не нужны оправдания, мне нужен результат. И меня совсем не интересует, чья это вина. Мне совершенно безразлично, кого отправить к палачу, – вас или кого-то другого. Меня интересует, где оригинал письма. Извольте немедленно встать и объяснить подобающим образом, где он. И не заставляйте меня понапрасну терять время. Иначе следующий приказ вы получите в кошельке из кожи, снятой с ваших ушей.

Нигори вскочил, пыхтя и отдуваясь.

– Продолжим, – как ни в чем не бывало вымолвил Тагино.

– Ваше благолепие... – тихо и боязливо выговорил Нигори, – оригинал достать невозможно.

– Почему? – поинтересовался Тагино, снова начиная вертеть перстень на пальце.

– Соболаговолите выслушать, ваше...

Тагино поморщился. Нигори испуганно прервал новый поток униженных славословий и приступил к сути дела.

– Временно получить оригинал в свое распоряжение, ваше благолепие, можно только в том случае, если он был подвергнут процедуре магической защиты от обычных средств шпионажа. Тогда есть возможность эту магическую защиту взломать и завладеть на время необходимым документом. Но его высочество господин долгосрочный посол, извольте видеть, не пользуется услугами мага ни для защиты своих писем, ни для их пересылки...

– Он что-то подозревает? – резко перебил его Тагино.

– Не думаю, господин министр, – ответил Нигори, – ни его разговоры, ни письма не дают основания для опасений. Едва ли он прослышал, что с помощью магии можно незаметно выкрасть магически защищенный документ и потом так же незаметно его вернуть. Ведь это государственная тайна.

– Можно подумать, стоит какой-то тайне сделаться государственной, она тем самым становится недоступной, – вздохнул Тагино. – Не старайтесь казаться еще глупее, чем вы есть, Нигори. Если он ничего об этом не знает, почему он не пользуется магией, охраняющей тайну переписки, как все обычные люди?

– Извольте принять во внимание, ваше благолепие, что его высочество господин посол – не обычный человек. Это прирожденный авантюрист, актер и игрок. Ему доставляет удоволь-

ствие оставлять с носом нашу разведку, не прибегая для этого ни к каким дополнительным средствам. Если бы он был вынужден воспользоваться магией, он не считал бы свою победу достаточно полной.

– И насколько удачно он, как вы изволили выразиться, оставляет нас с носом? – сухо осведомился Тагино.

– Весьма удачно, ваше благолепие, – признал Нигори. – Ваш предшественник господин Тосин давно уже отказался от мысли спровоцировать его на использование магии.

Губы Тагино даже не дрогнули, но в душе он усмехался. Именно неудачные попытки Тосина и стоили ему в конечном итоге поста Главного министра – не без помощи Тагино, разумеется. Тогда Тагино был рад небывалой изворотливости треклятого иноземного посла. Но теперь ситуация изменилась. Тагино получил то, к чему стремился, – и теперь хитроумие посла угрожает самому Тагино. То, что помогло ему свалить своего предшественника, может с не меньшей легкостью уничтожить его самого. До тех пор, пока этот молодой хитрец торчит в Загорье, Тагино не может предпринять ничего. Посла нужно уничтожить, скомпрометировать или купить – и чем скорее, тем лучше. И подумать только, что господин Главный министр вынужден пользоваться для этой цели такими негодными орудиями! И почему Тосин держал у себя на службе таких болванов?

– Осмелюсь доложить, – осторожно добавил Нигори, – господин Тосин был вполне удовлетворен магическими копиями его писем. Ведь, по сути дела, разницы никакой.

Именно по сути дела разница громадная! Копия содержит только текст письма – пусть и со всеми описками и пометками. Но вот уже почерк писавшего она передать не в силах. Даже почерк! А ведь там, где речь идет о дипломатической переписке, значение имеет все: и цвет туши, которой написано послание, и незначительная потертость бумаги или пергамента, и толщина его... все, все до последних мелочей, все может служить для передачи тайного сообщения, все может иметь скрытый смысл, а то и не один. Что толку от блистательной работы мага, расшифровавшего письмо, если оно было написано тушью чуть-чуть другого оттенка, а это значит, что понимать послание надо в обратном смысле! Но объяснять все это Нигори бесполезно. Пустая трата времени. Уж если этот рыхлый толстяк за восемь лет работы на своей нынешней должности не уразумел таких простых вещей... Боги, какой непроходимый болван! И это – начальник Магической канцелярии Тайного Приказа внешней разведки!

– Но если ваше благолепие желает, в следующий раз мы можем отдать приказ выкрасть оригиналы обычным способом. – Нигори так обрадовался своей мысли, что Тагино стоило большого труда не удавить его собственноручно прямо в своем кабинете.

– Ни в коем случае! – резко возразил Тагино. – Не защищенный магией оригинал красть нет смысла. Такая пропажа будет очень скоро обнаружена и вызовет серьезные подозрения. Запомните, Нигори: проявлять интерес следует, не привлекая к себе внимания.

Нигори низко поклонился. Тагино едва сдержал дрожь отвращения.

– Я принимаю ваши объяснения, – ровным невыразительным голосом произнес Тагино. – И согласен, по примеру господина Тосина, удовлетвориться копией. Можете идти. Я доволен вами, Нигори. Передайте тому подмастерью, который снимал копию, что им я тоже доволен. Пусть сегодня вечером придет ко мне за своим вознаграждением.

На такой благополучный исход Нигори и не надеялся. Он перегнулся в поясном поклоне и, не разгибаясь, попятился к двери. Когда его оттопыренная задница почти коснулась дверной створки, та распахнулась. Видно, слуги у Тосина были вышколены не в пример лучше начальников канцелярий и обязанности свои исполняли как следует.

Когда скудоумный Нигори наконец убрался с глаз долой, Тагино прищелкнул языком и задумчиво повертел на руке перстень. Потом он взял в руки пергамент с черной прямоугольной печатью, близоруко сощурился, хотя в том не было нужды, и поднес копию к глазам.

Его величеству князю-королю Юкайгину от его высочества долгосрочного посла принца Юкенны – с пожеланием долгих лет жизни...

Послание, несомненно, неформальное, личное. Окажись оно официальным и титулование было бы куда более пышным. Трижды прав был молодой маг-подмастерье, когда решил снять копию именно с этого письма! Личная переписка может дать куда больше ценных сведений, чем обычная посольская реляция. Вот если бы еще удалось заполучить оригинал!

Быстрый взгляд Тагино выхватывал из текста нужные ему отрывки. Долгое ироническое описание коварства местной погоды... соответствует истине – а значит, зашифрованным сообщением не является, именно такая погода и стояла в указанные дни... свежие сплетни о состоянии здоровья господина главнокомандующего... не соответствует истине – эти сплетни распустил недавно сам Тагино... а, вот! Это уже интересно...

После событий, описанных в моем предыдущем письме, с господином Мэдэаеом мы поладили. Во всяком случае, откровенной враждебности он больше не выказывает...

А это как изволите понимать? Не доверяет Юкенна письму точные сведения, обо всем говорит обиняками. Вот и делай выводы, какие хочешь: то ли давний противник Юкенны действительно примирился с ним, то ли затаился Мэдэтай и выжидает удобного момента, чтобы справиться с послом? И что за события он описывал в своем предыдущем донесении?

Гораздо больше меня беспокоят события на земле сопредельного государства, где, как вашему величеству известно, был смещен и отправлен в ссылку прежний Главный министр...

Рука Тагино дрогнула, и пергамент выскользнул из внезапно разжавшихся пальцев. Министр шепотом выругался, схватил пергамент и цепко впился в него взглядом.

«...и отправлен в ссылку прежний Главный министр...»

А ты опаснее, чем я думал, господин Юкенна! Сидел бы себе в своем Загорье и занимался своим посольством! Так нет же, сопредельные государства его интересуют.

...прежний Главный министр. Не могу сказать, чтобы мне так уж недоставало господина Тосина, но меня очень тревожит возвышение Тагино. По моим сведениям, человек этот весьма умен, не брезгует ничем для достижения цели, совершенно бесчестен и безмерно властолюбив. Вряд ли он знатного рода: сведений о его происхождении мне не удалось собрать никаких.

А вот это я тебе еще попомню, Юкенна!

Хотя не исключено, что, напуская таинственность на обстоятельства своего происхождения, он тем самым преследует какие-то свои цели. Меня это беспокоит: я предпочел бы знать наверняка, что отцом нынешнего господина министра был хоть пекарь, хоть лекарь, хоть золотарь – да кто угодно! Едва ли он скрывает незнатное имя: насколько мне известно, в его характере скорей похвастаться тем, что, несмотря на низкое рождение, он достиг таких высот...

Умен, мерзавец!

Весьма маловероятно, что он совершит ошибку, могущую повлечь его падение. Это очень опасный противник, и он пришел надолго. Злосчастный господин Тосин не выдерживает с ним никакого сравнения. Я был весьма удивлен, когда этот последний отделался опалой и ссылкой в провинцию: я предполагал, что Тагино этим не ограничится. Впрочем, что отложено – не отменено, и за жизнь Тосина я опасаюсь всерьез, хотя и сочувствия к нему не испытываю...

Лицо Тагино перекошилось, он с проклятием стиснул пергамент в кулаке. Будь ты проклят, хитрец Юкенна! Этого твоего письма король, разумеется, не увидит – я уж об этом позабочусь! Но кто может поручиться, что нет и других писем? Что ты не выразил озабоченности судьбой Тосина в каком-нибудь официальном донесении – а его я королю должен представить? Что болван Нигори не показал королю какого-нибудь письма с подобным содержанием, чтобы доказать, что недаром Тосин держал его на этой должности? И подумать только – мелочь, пустяк, а как же она меняет все мои планы! Во всяком случае, на ближайшее время. Несчастный случай с опальным Тосином придется отложить, и, может быть, надолго. Опасно министру оставлять своего опального предшественника живым – но вызывать подозрения еще опаснее.

Безвременная смерть настигнет господина бывшего Главного министра еще не скоро. Если бы не Юкенна! Это ведь только глупец Тосин мог недооценить молодого посла зелен еще, неискушен в интригах, постоянно дурачится... да разве можно его принимать всерьез! Тагино не обольщался шутовскими выходками долгосрочного посла в ненавистном Загорье. Уж если Юкенна смог привлечь на свою сторону Мэдэтая – хотя бы на время, хотя бы для видимости, – то справиться с Юкенной совсем непросто. На это придется потратить не год и даже не два. Но дело того стоит.

Так, значит, я – опасный противник? Спасибо на добром слове, господин Юкенна! Спасибо и за то, что вы уверены, что я пришел надолго. А я уж постараюсь оправдать ваши предположения. Следует отдать вам должное – вы и сами противник достойный. Я этого не забуду.

Господин министр Тагино встал и медленно, лениво потянулся, будто только что прочитанное письмо не только не заинтересовало его, но даже наскучило до зевоты, словно он едва не задремал над незначительным нудным посланием. Сейчас никто не мог увидеть Тагино, и нужды притворяться не было... но это ровным счетом ничего не значит. Если человек привык хотя бы наедине с собой не притворяться, не прятать сокровенные мысли и надежды, если он позволяет себе быть самим собой хотя бы в собственной постели, укрывшись одеялом, его песенка спета. Недалек тот час, когда он, забывшись, проявит свою истинную натуру в присутствии посторонних. Одна неосторожная фраза, одно слово, взгляд, пожатие плеч – и вот уже неотвратима тюрьма, ссылка, пыточная камера, а то и смерть. Господин Главный министр Тагино никогда не давал себе волю. Поначалу постоянное притворство давалось ему с трудом, но эти времена давно прошли, и оно больше не стесняет господина министра.

Вот так-то, Юкенна! Я привык к этому, приучил себя с беспощадной жестокостью – а ты так можешь? Пролить слезы, когда душа ликует, и смеяться, когда сердце от горя разрывается? Потеть в холод и зябнуть в жару? Просидеть полдня на званом обеде, напившись слабительного? Провести бурную ночь с женщиной, не вызывающей у тебя ничего, кроме рвотного отвращения? По трое суток не спать, приняв по ошибке снотворного? Делать вид, что ты не поэт, не актер, не воин, скрывать свое мастерство – и выказывать те умения, которых у тебя нет вовсе? Пренебрегать любимыми занятиями – и преуспевать в ненавистных? Можешь? Ты очень умен, Юкенна... но ты еще и очень молод. Слишком молод, чтобы тягаться со мной. И если я не ошибаюсь, вряд ли ты станешь намного старше. Я об этом позабочусь. До моих нынешних лет ты уж точно не доживешь.

Тагино убрал магическую копию в потайной ящик стола и дважды дернул за шнур звонка. Однако и засиделся господин министр за письмом: звон отдается хотя и тихо, но явственно. А это значит, что канцелярия Тайного Приказа опустела, все разошлись по домам и ничто не заглушает звонок, вызывающий к господину министру единственного человека, который не посмеет уйти без его личного дозволения.

Когда доверенный секретарь господина министра вошел в кабинет, Тагино уже сидел за столом. Секретарь не стал тратить время и силы на предписанный ему этикетом земной поклон, ограничившись простым поясным, быстро выпрямился и замер в ожидании приказа.

– Хорошо, – кивнул Тагино. – Я тобой доволен.

На лице секретаря отобразилось мгновенное удовольствие – и исчезло бесследно. Теперь весь его вид выражал лишь готовность приступить к работе немедленно.

– Приказ для моего личного исполнителя отменить немедленно, распорядился Тагино. – Пока еще не время. Он должен оставить провинцию и как можно скорее прибыть в столицу.

– Сумму, выделенную на его вознаграждение, провести по счету как невостребованную? – осведомился секретарь.

– Отнюдь, – возразил Тагино. – Я собираюсь поручить его заботам совсем другого человека. Ему не о чем беспокоиться. Вознаграждение свое он получит, и даже с избытком... в день похорон господина Нигори.

– Что-то сегодня благодетель твой запаздывает, – заметил Воробей, когда Кэссин прервал рассказ, чтобы отхлебнуть воды из небольшой фляжки.

– Привык к дармовым харчам, Воробушек? – поинтересовался Гвоздь, даже не оборачиваясь. – Дурная привычка. Заработать или украсть себе на пропитание человек должен сам.

С того дня, как Кэссин впервые получил серебряную монету от случайного слушателя, прошло три недели, и только железная воля Гвоздя к исходу этих трех недель спасла побегайцев от полного морального разложения. Кэссин больше не рассказывал историй на сон грядущий. Каждый день, покуда грузчики обедали, побегайцы располагались на куче старых ящиков, и каждый день странный незнакомец появлялся возле побегайцев, слушал вместе с ними рассказы Кэссина и неизменно вручал ему серебряную монету за труды. Поначалу побегайцы просто ошалели от свалившегося на них богатства. Но Гвоздь быстро навел порядок. На второй же день он значительно увеличил долю Кэссина. На третий запретил тратить больше четырех мелких монет в сутки, а заработанное Кэссином серебро велел спрятать на черный день. Безумные кутежи наподобие самого первого прекратились. Никто не смел пренебрегать работой в порту или рыбной ловлей. Самое странное, что никто и не вздумал роптать. Лучшего жоака, чем Гвоздь, у побегайцев не было никогда, и ему доверяли. Раз Гвоздь так решил – значит так тому и быть.

Через две недели Гвоздь еще раз увеличил долю добытчика, дабы не вводить побегайцев в искушение легкой жизни. Негоже, чтобы всю ватагу кормил один человек. Да и мало ли что может случиться с единственным кормильцем! Он может заболеть, может умереть, может охрипнуть и потерять голос... да и долго ли продлится приступ лихорадочной щедрости, обуявший неизвестного любителя сказок? Разумеется, Помело уже способен зарабатывать как базарный рассказчик... но в этом случае опять-таки побегайцам не перепадет ничего. Давняя традиция – не Гвоздь ее выдумал, не Гвоздю и отменять: как только кто-то из побегайцев находит себе ремесло, могущее его надежно прокормить, в течение месяца он продолжает жить в Крысильне и зарабатывает на непредвиденные расходы для всей компании, а потом побегайцы устраивают ему роскошные проводы. Гвоздь увеличил долю Помела не без умысла: чем скорее Помело наберет денег на вступительный взнос в гильдию рассказчиков и покинет Крысильню, тем лучше. Не то, глядишь, одичают побегайцы от шальных прибылей, заленятся – а что станет с ними потом, когда Помело неизбежно покинет их? Да, Помело оказался неплохим парнем – тем больший прок поскорей от него отделаться. Конечно, побегайцы своему предводителю доверяют... но у Гвоздя нет ни малейшего желания проверять, надолго ли хватит их доверия. Он начал дичиться неизвестного слушателя и почти обрадовался его сегодняшнему опозданию. Может, он и вовсе не придет? Хорошо бы...

– А вот и он. – Зоркие глаза Морехода издали углядели знакомый силуэт. Гвоздь с досадой сплюнул. Зря он не увел побегайцев обратно в порт, когда это еще можно было сделать.

Гвоздю не пришлось долго раздумывать, под каким бы предлогом прервать рассказчика. На сей раз это сделал сам щедрый слушатель.

– Извини, парень, – перебил незнакомец Кэссина, – не мог бы ты на этом и закончить на сегодня? Тороплюсь я очень... а историю дослушать хочется.

– Конечно, – кивнул Кэссин. – Нам тоже пора бы за дело.

Гвоздь ухмыльнулся: ай да Помело! Пожалуй, единственный, кого занимательные истории не заставляют забыть обо всем, – это сам Помело.

– Вот только не обессудь, – виновато произнес незнакомец, – без денег я сегодня. Завтра принесу, когда будешь рассказ заканчивать. А чтобы твой труд без награды не остался... ты ведь грамотный? – неожиданно спросил он Кэссина.

Кэссин, слегка растерявшись, кивнул.

– Тогда держи. – Незнакомец вынул из сумки небольшую затрепанную книжку. – Завалюсь случайно. Мне она ни к чему, а тебе пригодится. Пополнишь запас своих историй. Согласен?

Еще бы Кэссину не согласиться! Он был не просто согласен, но и благодарен от души. Невзрачная книжица была для него куда дороже денег. Запас историй действительно нужно время от времени обновлять. К тому же Кэссину никогда еще не доводилось прочесть целую книжку подряд – не обрывки, не разрозненные листы, а именно книгу.

– С-спасибо, – запинаясь от внезапного смущения, выговорил Кэссин. Я... я завтра отдам.

– Не обязательно, – возразил незнакомец. – Читай сколько вздумается. А то и вовсе оставь ее себе...

Назавтра Кэссин едва ли заслуживал своего вознаграждения. Голос неприятно хриплый, шершавый какой-то. Сухо и невыразительно Кэссин излагал одну из самых занимательных своих историй, едва удерживаясь, чтобы не зевнуть во весь рот. Ничего удивительного: Кэссин читал всю ночь напролет, запоем, пока не прочел всю книгу. После чего наиболее полюбившиеся ему отрывки он перечитал еще дважды. Когда он решил было покончить с чтением и отправиться на боковую, яркий лунный свет сделался тусклым и серым, и Кэссин с изумлением понял, что до рассвета осталось совсем недолго. Вздыхнув, он снова принялся за книгу, чтобы скоротать время до пробуждения Крысильни: стоит ему сейчас уснуть, и даже Бантик, Гвоздь и Кастет совместными усилиями не смогут его растолкать. Кэссин очень хорошо помнил, как поплатился Баржа, и вовсе не хотел составить ему компанию. После бессонной ночи его разморило по дневной жаре, и говорил он тягуче и монотонно. Окончания рассказа щедрый слушатель на сей раз не услышал: Кэссин с грехом пополам едва добрался до заколдованного замка, а уж чтобы сразить его властелина до той поры, пока грузчики закончат обед, и думать было нечего. Тем не менее серебро свое Кэссин получил – и за вчерашний день, как было обещано, и за сегодняшний. Гвоздь было собирался устроить ему вечером небольшую выволочку, но, увидев серебро, передумал и ограничился напоминанием, что по ночам работают только воры и сутенеры, а поскольку Помело избрал себе иное жизненное поприще, то ему по ночам следует спать. Кэссин кивал, не слыша ни слова: он уже спал, хоть и с открытыми глазами.

Больше он не читал по ночам, но расстаться с книгой медлил. Он таскал ее с собой повсюду, наловчившись читать стоя и даже на бегу. Он выучил ее наизусть, он отлично помнил, на какой странице оторван уголок и в какой фразе переписчик допустил ошибку, – и все же прошло не меньше недели, прежде чем он нехотя протянул книгу владельцу.

– Ты можешь оставить ее себе, – возразил было незнакомец, но Кэссин покачал головой.

– Вы ведь мне за рассказ заплатили, – понурился незнакомец, ответил он. – А книга, получается, мне задаром досталась. Как-то негоже... вот если бы можно было еще какую-нибудь книгу почитать! – не удержался Кэссин. – Только почитать, и все...

– Отчего же нет, – усмехнулся незнакомец. – Ты ведь не порвешь ее, не потеряешь...

При мысли о том, что он и в самом деле мог бы ненароком испортить или потерять красивую и дорогую книгу, к лицу Кэссина прихлынула кровь.

– Да мне бы что-нибудь старенькое, затрепанное, – взмолился Кэссин, чего вам не жалко!

– Найдется и такое, – доброжелательно ответил незнакомец.

Выволочку Кэссин все-таки получил, только не от Гвоздя, а от Покойника. На правах поручителя, который и привел Помело к побегайцам, Покойник весь вечер ворчал, что если кто не умеет попрошайничать, то и не должен: ремесло это не из легких, обучиться ему не всякому под силу, а позорить столь великое искусство столь жалостными попытками не следует попрошайничать полагается, не теряя чувства собственного достоинства и уважения к своему мастерству. Кэссин слушал его вполуха: новая книга, которую он еще не видел, уже завладела

его воображением. От сладости предвкушения мутилось в голове, руки уже почти ощущали приятную тяжесть книги, пальцы перелистывали воображаемые страницы...

Книга не обманула ожиданий Кэссина. Она была очень старой, затрепанной, на ее страницах кое-где даже виднелись жирные пятна.

– По-моему, там кое-где страниц не хватает, – предупредил Кэссина незнакомец, вручая ему обещанную книгу.

– Это ничего, – выдохнул Кэссин, оглаживая обложку почти томным, рассеянно-сосредоточенным взглядом.

На сей раз Кэссин твердо решил окончить чтение, едва лишь портовый сторож прокричит полночь, и данное себе слово сдержал. На следующий вечер он тоже дал себе зарок не засиживаться до утра, что бы днем не клевать носом. Так что лишь на третий вечер Кэссин выяснил, что в книге нет недостающих страниц. Книга была хоть и затрепанная, но не настолько, как ему показалось на первый взгляд, а оборванные страницы чья-то заботливая рука аккуратно подклеила полосами исписанной бумаги.

Не будь у Кэссина привычки прочитывать любой клочок бумаги, на котором хоть что-то написано... Но еще в лавке своего дядюшки, где он часами только тем и занимался, что делал коробочки из разного бумажного хлама, он развлекался единственно чтением всего, что под руку попадет. Четырежды прочитав книгу подряд и неведомо сколько раз вылизав взглядом наиболее полюбившиеся ему истории, изучив их до последнего слова и вызубрив на всю жизнь, Кэссин приступил к тем полоскам бумаги, что не давали книге разлететься по листику. Всего во второй раз в жизни он держал в руках книгу и попросту не мог заставить себя отдать ее, пока не прочтет всю целиком. Если бы на последней странице содержалась приписка «Кэссин, ты дурак», он и ту прочел бы с не меньшим благоговением.

Смысл текста на бумажных полосках был темен. Поодиночке они и вовсе, казалось, не имели смысла. Кэссин читал их подряд и вразбивку, пытаясь сообразить, какой отрывок следует за тем, что у него перед глазами, а какой его предваряет. Незнакомец не требовал свою книгу обратно, и Кэссин пользовался этим. Он постоянно страшился, что в один далеко не прекрасный миг щедрый слушатель вспомнит о книге, и ее придется вернуть прежде, чем Кэссин поймет, что же означает странный обрывочный текст на узких бумажных полосках. И потому, едва лишь наступал вечер и побегайцы устраивались на отдых, Кэссин вынимал заветный томик и торопливо погружался в чтение.

Он честно пытался избавиться от наваждения – книгу все же придется когда-нибудь отдать – и потратил часть своей дневной доли в книжном ряду Нижнего рынка. Книги там продавались по большей части такие, которые никто не хотел покупать, старые, сильно подержанные, а то и вовсе истрепанные, а если среди них ненароком попадались и новые, то уж настолько скверного качества, что прочитать их было бы делом чести для мага средних достоинств, ибо только при помощи зрения, не полагаясь на магию, их не смог бы прочесть даже печатник, выпустивший в свет это чудовищное поношение своего ремесла. То были последние оттиски с печатных деревянных досок: знаки почти все посбиты в той или иной части, комочки присохшей туши втиснуты там и сям, бумага скверная, печать размытая – словом, бросовый товар. Резьба на досках стерлась – не то что текст, но даже и картинки мудрено разобрать. Они могли изображать все что угодно, и при малейшем участии воображения можно было одну и ту же картинку принять за портрет благородной дамы, карту Ближнего Приграничья, ушастую морду породистой собаки, Заоблачный Замок или схему расположения внутренностей коровы, начертанную для учеников сельского знахаря.

Короче говоря, книги, продаваемые на Нижнем рынке, годились в растопку просто замечательно. К тому же Кэссин ухитрился поторговаться, так что потратил самую малость. И все же столь малая трата не укрылась от бдительного ока Гвоздя.

– Ты, Помело, и впрямь без ума живешь, – цедил сквозь зубы Гвоздь. Тебе сейчас надо денежки копить на вступление в гильдию, а ты тратишься на всякую дрянь. Неужто не начитался? Вот вступишь в гильдию, тогда и читай, что душе угодно, хоть надписи на ребре монеты. А до той поры и гроша ломаного на чтиво свое тратить не смей.

Присутствовавший при разное Покойник разразился рваным хохотом, и даже Кэссин не сдержал улыбки. Насчет знаков на монетном ребре ехидный Гвоздь вернул куда как удачно. Знак на ребре монеты не может прочесть никто. Когда прадед нынешнего короля Югиты лишил своих вассалов права чеканить монету, поначалу подчиниться не пожелал никто, и по всей стране заходили серебряные и медные кружочки и квадратики с лицом короля, но отчеканенные не на Монетном Дворе, а где ни попадя – ясное дело, серебра в них было куда меньше, чем в настоящих королевских, а медные монетки мог переломить даже ребенок. Король быстро нашел выход из положения, и ребро монеты украсилось магическим знаком: каждый видит явственно, что знак там есть, но никто не может ни постичь смысл знака, ни хотя бы сказать с уверенностью, на что этот знак похож. С тех пор монеты с профилем курносого человека со шрамом на левой щеке ценились высоко во всех странах: не было ни малейшей надобности взвешивать монету, капать на нее кислотой, надкусывать или проверять по звону. Если можно прочесть знак на ее ребре, если два человека видят его одинаковым – значит монета фальшивая. Если нет – все в порядке. Прочесть знак было невозможно, и никто и не пытался его прочесть, кроме буйных сумасшедших. Если иные способы обуздать буйство не срабатывали, сумасшедшему давали в руки монетку, и до прихода мага-целителя он тихонько мурлыкал в уголке, вертя монету так и эдак, поднося ее к глазам, нюхая, облизывая и не причиняя более никакого вреда окружающим. Именно этот намек и содержала шуточка Гвоздя.

«Сам такой», – подумал Кэссин, все еще смеясь, и взялся за купленные книги. За два дня он вытвердил их наизусть и забросил в угол. Прав был Гвоздь, как ни крути: стоит ли тратить деньги на ерунду, которая за пару дней лишается всякого очарования? Ведь у него покуда есть, что читать. словно позабыл щедрый слушатель об одолженной книге...

Странное чтение. Не похожее ни на что. Как ни старайся расставить отрывки по порядку, как ни заполняй наудачу лакуны в тексте, как ни вглядывайся в уголковую старинную скоропись, а все равно ерунда получается. Но до чего же заманчиво – разгадать головоломку, сложить все ее части правильно... хотя что значит само понятие «правильно» применительно к такому тексту?

...глаз может ослепнуть, и ухо оглохнуть, и рука отсохнуть, и все наши чувства суть таковы, а разум надо всем, и отсюда познай его совершенство...

С ума, между прочим, тоже можно сойти, ядовито подумал Кэссин. Запросто. Вот хотя бы от этих записей на бумажных полосках. Плевое дело взял да и спятил безо всяких хлопот. Тоже мне совершенство.

...а засим сказано постигающему: чувства суть обманщики, ибо не может несовершенное, неполное и неразумное действовать совершенно, полно и разумно. И вот говорю я: глаз твой не слеп, но он все равно что слепой, и ухо твое слышит, но меньше тебе в этом пользы, чем если бы оно не слышало. Ибо ложь есть все видимое и слышимое, и то, что обоняем мы, и то, до чего рукой касаемся и что вкушаем, – только ложь и пустая иллюзия...

Замечательно. Вот бы сейчас сюда иллюзию здорового куса копченого мяса, а то иллюзия желудка замучила: до того в брюхе бурчит – ну просто никакого спасу.

Кэссин вынул из-под себя затекшую ногу, сел поудобнее и снова принялся развлекаться нескладным текстом.

...ибо чувства наши несовершенны и тем самым лживы. Разум же ничего не вкушает, не обоняет, не видит, не слышит и ничего не касается, а потому суть правдив и совершенен весьма. И вот, если кто укрепитя разумом и отвергнет чувства, силу мира в своей руке дер-

жать будет, и не иллюзии станут властвовать над ним, но он над иллюзиями, и всякая ложь и иллюзия ему ко благу будет...

Ладно, уговорили. Вот сейчас укреплюсь разумом, и будет к моему благу копченое мясо. А если укрепиться по самую завязку, то и кувшин вина. Пить очень хочется. Можно, конечно, встать и взять воды из бочки, но зачем? Раз уж это все иллюзия, то лучше пусть это будет иллюзия вина, а не воды. Хотя, если разобраться, иной раз тебе в лавке могут продать такую кислую иллюзию, что аж скулы сводит. Нет, пусть это будет самая дорогая и вкусная иллюзия.

Кэссин усмехнулся своей выдумке, поплотнее запахнул – иллюзии там или что, а ночь выдалась прохладная, – и продолжил чтение.

...а если кто чувствам и ощущениям доверяет, то власти над ложью иметь не будет и всю свою жизнь ее не изведает, ибо они суть коварны и злокозненны. И первый обман таков. Если смотрит Постигающий на башню или дерево высокое или выйдет на берег океана, то чувства говорят ему: «Ты мал». И если встретит он лютого тигра, или дракона, или просто воина с мечом, то чувства говорят ему: «Ты слаб». И Постигающий верит им в неразумии своем и угнетен бывает весьма. А если кто прислушается к своему разуму, то разум твердит ему: «Не может такого быть, ибо ты велик и силен...

Что верно, то верно, разум с чувствами не в ладах. Кэссин был когда-то весьма высокого мнения о собственной особе, о своем уме и физической силе. Но когда ему впервые в жизни соседский мальчишка крайне чувствительно обломал бока, семилетний Кэссин долго ревел на кухне, а затем решил, что его представление о собственной непобедимости – самая большая глупость, до какой он только смог додуматься за все семь лет своей жизни. Какой бальзам на израненное самолюбие семилетнего мальчишки пролили бы эти слова! Но сейчас Кэссину уже не семь лет, а почти вдвое больше, и поверить в такую белиберду он никак не может – слишком часто и мучительно его с тех пор колотили, чтобы он поверил не чувствам, а уязвленному в своем самомнении разуму.

...А я говорю тебе – верь разуму, ибо он в совершенстве своем не может ошибаться. Итак, малость твоя и слабость – лишь иллюзия. Истинно говорю, о Постигающий: ты силен. Ты велик. Ты больше башни и больше дерева. Ты больше океана. Ты больше всего, что есть в этом мире. Мир не вместит тебя, а ты вместишь мир, ибо ты больше его, и даже малый обрезок твоего ногтя больше всего мира. Пойми это...

Вот это да! Вольно же было пролить семь потов над бумажными полосками, чтобы обрести в итоге такую бессмыслицу! Похоже, тому, кто это написал, пора дать монетку и предложить прочесть знак на ее ребре. Эх его занесло!

Кэссин провел ногтем по последней фразе и тихо засмеялся. Больше всего мира! Да после такого до утра не уснешь от смеха: обрывки дурацкого текста так и крутятся в голове... всякая ложь и иллюзия ему ко благу будет, ишь ты... а если кто ощущениям доверяет... ты больше всего, надо же!., и даже малый обрезок твоего ногтя больше всего мира... интересно, как себя чувствовал этот придурок, когда написал такое, – тоже больше всего мира или как?

Кэссин усмехнулся в душе и попытался представить себя на месте придурка, который полагает, что он больше всего мира. Попытался представить себе, что он больше всего мира. Воображением он обладал пылким, и удалось ему это без труда. Он с легкостью вообразил себя большим, нежели все мироздание, – и это было последним, что ему удалось по своей воле. А через некоторое время и вовсе ничего не было.

Потом все же кое-что появилось: холод, боль и отзвук неистового вопля, дрожащий в пустоте. Холодной была вода, которой Кэссина облил Покойник, боль была обязана своим происхождением оплеухе, нанесенной Кастетом, а вопль, пронизавший Кэссина до глубины души, был его собственным.

Когда Кэссин, все еще дрожа и всхлипывая, очнулся, Гвоздь быстрыми энергичными движениями тер ему уши. За этой процедурой наблюдали перепуганные до полного безъязы-

чия побегайцы. Испуганным не выглядел разве что Баржа. Он был слишком зол, чтобы испугаться. Его неповоротливые спросонья мозги с грехом пополам сумели сделать единственный вывод: кто-то посмел разбудить Баржу, и этот кто-то не был ни Гвоздем, ни Кастетом, ни Бантиком, ни даже Покойником. Когда Баржа уяснил себе, что прервать его сладкий сон – событие само по себе из ряда вон выходящее – осмелился ничтожный болтун Помело, его тело как бы само по себе, почти без участия его небольшого умишка, надвинулось на обидчика, дабы растоптать, уничтожить, стереть с лица земли и набить морду.

Завидев разъяренного Баржу, Кэссин откинул голову назад и расхохотался. После недавно пережитого ужаса он не просто не мог больше испугаться этого дуролома – даже помыслить о страхе не мог. Да что с ним может сделать Баржа – избить, изувечить? Какая жалкая малость!

– Т-ты ч-че? – взревел Баржа, вздев кулаки. – Т-ты ч-че это, а?

– Ты смешной, – задыхаясь от хохота, сообщил Кэссин и поднял голову. Баржа, набывшись, смерил его взглядом, заглянул в глаза... и с воем отскочил в дальний угол – откуда только прыть взялась!

Кэссин разразился новым взрывом смеха, потом сдавленно хихикнул и замолк, хотя и не без труда. Поводов для веселья у Кэссина было предостаточно: вода холодная и мокрая, оплеуха увесистая, Крысильня уютная, Баржа смешной, у всех присутствующих по две руки и две ноги, и никого это ни капельки не удивляет.

– Ты зачем орал? – недовольно спросил Гвоздь. – Перебудил всех... Баржу испугал – на кой ляд?

Кэссин обратил к нему свою мокрую улыбающуюся физиономию.

– Гво-о-оздичек, – блаженно промурлыкал он.

Гвоздь, хотя виду и не подал, был изрядно ошеломлен. Никто и никогда еще не осмеливался поименовать его Гвоздичком. Иногда Баржа, заискивая, пытался назвать его Гвоздиком, и ответ на это получал вполне определенный. Но тот, кто с такой покровительственной лаской в голосе протянул «Гво-о-оздичек», должно быть, пережил только что такой запредельный ужас, что слегка повредился в уме.

Действовал Гвоздь, как всегда, быстро. Он подтащил Кэссина к бочке с водой, пару раз окунул его голову, потом вытащил, велел притащить одеял побольше, собственноручно укутал ими дрожащего Кэссина, налил большую чашку вина, заставил выпить залпом, оглядел придиричиво и распорядился:

– А теперь рассказывай, с какой радости ты среди ночи разорался.

Кэссин сглотнул и кивнул. Холодная вода смыла остатки ужаса, а вино и одеяла сделали трясущий его озноб менее мучительным.

– Я бы знал, как рассказывать, – неуверенно начал он.

Покойник поднес ему еще чашку вина.

– Через глоток, – посоветовал он. – Это помогает. Глотнул – сказал, глотнул – сказал... меньше запинаться будешь.

Кэссин покорно отпил глоток.

– Я читал... ну, это сразу так не объяснить... там, где книжка подклеена... там бумажки такие, а на них от руки написано... я все разобрать пытался...

– Знаем, – перебил его Кастет. – Дальше.

– Разобрал, а там ерунда. Про то, что быть больше мироздания, и все такое. Смешное... а я попробовал...

Кэссин замолчал и отхлебнул без малого полкружки.

– Стать больше всего... и вроде как я делаюсь все больше и больше, и у меня вся столица в пятке помещается, а сам я и есть весь мир, а потом больше мира... а потом...

Казалось, Кэссин разом утратил свой дар рассказчика.

– Не знаешь, как рассказать? – участливо спросил Килька.

– Не знаю, как вспомнить, – медленно ответил Кэссин. – Помню только, что страшно очень и противно... так противно, что я не умею вспомнить... а потом как волна... качает, размывает потихоньку... и даже приятно вроде поначалу... что размывает, приятно... а только я уже не целый, и кое-где меня уже немножечко и нет...

– Во заливает! – восторженно выдохнул Воробей.

– А потом слышу голос... то есть не голос... но он голос, только не такой, как голос... не как у людей и не звериный тоже, потому что он говорил...

– Ага, а люди не говорят, – съехидничал кто-то.

– Заткнись, – скомандовал Гвоздь, не оборачиваясь.

– И он говорит, что если я сейчас не соберусь воедино, то меня размоет совсем и не будет больше... я собрался, и так мне хорошо... и не качает больше, а насквозь идет, вроде как свет через хрусталь, а я есть... и тут он опять говорит, что если мне хорошо, то это плохо, потому что я останусь тут насовсем. И если я не хочу остаться насовсем, то мне надо куда-нибудь лететь.

– Налево? – насмешливо предположил Воробей.

– Он сказал, что если налево, то там меня съедят, – с пугающей серьезностью ответил Кэссин. – А я его спросил, что, может, мне тогда направо, а он сказал, что, если направо, тогда меня не съедят, но тоже будет весело. И я полетел, а там стена, а когда прилетел, она почему-то не сбоку, как стена, а подо мной... вроде как равнина... я на нее встал... вроде как отдохнуть... а тогда он мне говорит, что если я не размылся и не остался, а прилетел, то я могу иметь первого слугу, потому что заслужил, и он сейчас придет... а тут собака такая... ну, как вот в сказке про Проклятый рудник... на людей которая натасканная... только еще больше и жутко страшная... совсем страшная... быстро так бежит, и глаза такие... такие... ну, такие злобные, что большей злобы и на свете нет...

– Если бы мне такое приснилось, я бы тоже заорал, – заметил Кастет. Как подумаешь, что такая тварюга изладилась тебе горло перегрызть, – не так еще взвоешь.

– Я не тогда заорал, – признался Кэссин. – Я тоже думал, что она меня загрызет, а она подбегает и... и... руку мне лижет, обнюхивает. – Кэссина передернуло от ужаса и отвращения. – Вот это и правда было страшно... страшней не придумаешь... а он говорит, что теперь это мой слуга, чтобы всегда со мной... и явится по первому моему зову... вот тогда я и не выдержал...

Кэссин замолк, и наступила тишина.

– Враки, – неуверенно предположил кто-то.

– Как же, враки! – басом завизжал Баржа. – Была собака, была! Вот он ее и слопал! Он на меня как этими ее глазами посмотрел – точно вам говорю, слопал он ее!

Кэссин за время своего пребывания в Крысильне успел наслушаться от Баржи много всякого разного, но это было уже слишком. Да что он о себе воображает – лентяй, которого совсем недавно не выгнали единственно потому, что Кэссин его выручил! Раньше Кэссин побаивался здорового Баржу, но теперь... теперь определенно настало время дать ему по уху. Обвинение в поедании потусторонних собак обидело Кэссина не на шутку. Но выполнить своего намерения Кэссин не успел.

Потому что едва он успел осознать свою обиду, как до Крысильни донесся тихий сперва, но очень быстро приближающийся вой. Он был не особенно громким, но каменные стены Крысильни сотрясались дурной неровной дрожью, мучительной, как зубная боль. Не успел никто и слова сказать, а к вою прибавился отзвук мягких тяжелых прыжков. Зрение уверяло перепуганных побегайцев, что Крысильня стоит, как и стояла, а все остальные чувства что ее качнуло и повело набок.

– Ч-что это? – соскочило с трясущихся губ Морехода.

Словно вся злоба мироздания взревела за дверью в ответ на эти слова. И от этого рева истерическим мявом зашелся вздыбленный Треножник. Он верещал, не замолкая, словно запас воздуха в его кошачьих легких был бесконечным вопил, вопил, вопил... пожалуй, даже громче, чем Баржа. Мореход попытался пискнуть, взамен громко икнул и вытянул дрожащую руку в направлении двери.

Дверь еще не полностью растаяла, и то, что светилось за ней в ночной темноте, еще нельзя было с уверенностью назвать глазами, но ничем иным это и быть не могло: такой осмысленной и всепоглощающей злобой может полахать только взгляд. Эта злоба растворяла дверь, как кипяток растворяет в себе льдинку.

Первым вскочил со своего места Гвоздь. В руке его блеснул широкий нож-бабочка – оружие, запретное для всех, кроме воинов. Блеск ножа заставил очнуться и Кастета. Будущий воин встал плечом к плечу с Гвоздем, сжимая в руке оружие, давшее ему прозвище. Гвоздь и Кастет шагнули к двери одновременно, словно по команде.

Тут только Кэссин опомнился.

Он был меньше других напуган потусторонним воем – ведь он в отличие от остальных не только слышал, но и видел чудовищную тварь. Он даже не особенно растерялся. Скорей уж его ошарашило зрелище повальной паники, а за тем, как извивается Баржа, он пронаблюдал не без некоторого удовольствия. Но теперь положение коренным образом поменялось: вот сейчас Гвоздь и Кастет ринутся на эту тварь за дверью, защищая остальных побегайцев, и неминуемо погибнут. Гвоздя Кэссин уважал безмерно, а к Кастету питал вполне обоснованную симпатию.

Кэссин рванулся промеж Гвоздем и Кастетом с такой силой, что они отлетели по сторонам.

– Убирайся! – во всю мочь гаркнул Кэссин. – Вон отсюда! Я тебя не звал!

Вой за остатками двери приобрел злобно-вопросительную интонацию.

– Я тебя не звал! – надсаживаясь, заорал Кэссин. – И не позову никогда! Уходи! Уходи насовсем! Я-тебя-не-ЗВАЛ!

Тяжелое перемирание с лапы на лапу, от которого Крысильню снова повело куда-то набок. Новый раскат злобного воя, исполненный кровожадного разочарования. Сотрясающие ночь мягкие прыжки...

Когда полыхающая за почти уже несуществующей дверью злоба угасла, а вой окончательно утих в отдалении, Гвоздь вздохнул, утер холодный пот и спрятал нож.

– Похоже, я немного просчитался, Помело, – произнес он по обыкновению ровным и отчетливым голосом, хотя и очень тихо. – Тебе бы не в гильдию рассказчиков, тебе бы в маги податься...

– Оно ушло? – сдавленным фальцетом осведомился Воробей.

– Ушло, – ответил Кастет, тоже спрятав оружие. – Помелу скажи спасибо. Как он его...

Наступила тишина. Ее не нарушал даже Треножник. Сперва он отчаянно пытался издать хоть какой-нибудь звук, но сорванный воплем голос не повиновался ему. Треножник пару раз сипло присвистнул, что должно было изображать испуганное мяуканье, потом заметался по Крысильне в поисках чего-нибудь большого, теплого и способного защитить, с разбегу ткнулся мордочкой в живот Бантика и замер, дрожа и посипывая. Бантик ошалело поднял своего любимца на руки и начал его гладить, не в силах перевести взгляд с перепуганного котенка на что-нибудь еще.

Гвоздь тем временем нырнул куда-то, где он прятал запасы на пресловутый «черный день», и вернулся с большой темной бутылкой очень старого вина. Кэссин не помнил, чтобы Гвоздь или Бантик покупали что-нибудь подобное, и немудрено. Такое вино купить невозможно за все запасы побегайцев, даже если включить в оплату саму Крысильню, а с ней и побегайцев в придачу. Бутылку эту Гвоздь украл... впрочем, какая разница, где именно? Довольно

и того, что он впервые нарушил свой зарок: его воровские дела никоим образом побегайцев не касаются.

– Значит, так, – веско произнес Гвоздь. – Спать сегодня все равно никто не сможет... разве что Баржа, но я бы не советовал. Садимся все вот здесь и пьем по кругу. Кто пьет, рассказывает какой-нибудь анекдот и передает вино дальше. Если по глотку, до утра вина на всех хватит – хватило бы анекдотов.

– А если анекдот будет не смешной? – меланхолично поинтересовался вечно печальный долговязый подросток по прозвищу Отшельник.

– Шею сверну, – пообещал Гвоздь.

– А ты бы смог рассказать что-нибудь смешное – сейчас? – возмутился Отшельник.

– Сейчас и расскажу, – невозмутимо ответил Гвоздь, откупорив бутылку и сделав первый глоток. – Значит, так, – начал он, удобно усаживаясь, – один жутко толстый купец уехал с торговым караваном, а жену дома оставил...

Под взрывы хохота, которыми вполне заслуженно наградили рассказанный Гвоздем анекдот, Кэссин украдкой оглянулся на дверь. Дверь честь честью обреталась, где и раньше, целая и невредимая.

Следующим бутылку принял от Гвоздя Покойник. Он аккуратно сделал умопомрачительный глоток, не пролив ни капли, и обтер губы, прежде чем начать анекдот.

– Один воин решил купить свинью, – неторопливо проговорил он. Времени до утра осталось еще много.

Глава 3

Проводы

Вот тут бы Кэссину и забросить свои ночные бдения, вернуть книжку и забыть обо всем. Гвоздь ему даже и совета такого давать не стал: он и подумать не мог, что Кэссину придет в голову поступить по-иному.

Однако же пришло.

Вот если бы не обидел Баржа Кэссина... если бы не явился в Крысильню потусторонний кошмар, подтверждая своим присутствием, что не солгал Помело, не выдумал ничего и не сон страшный увидел, а на самом деле пережил такое, что не всякому под силу и не любому доступно... Хотя как знать – не сейчас, так потом, и не Баржа, так другой кто, и неизвестно еще, чем бы для самого Кэссина дело обернулось. Все-таки особой кротостью Кэссин не отличался, и его гнев или обида рано или поздно призвали бы жуткого слугу с оборотной стороны мира. Глядишь, и понравился бы Кэссину непрошенный мститель за его обиды.

Теперь же Кэссин испытывал непреодолимое отвращение к своему первому слуге – но не к месту, где он его получил. Когда побегайцы осознали, что Помело действительно сразился с какой-то совершенно невообразимой жутью, да еще и одолел ее, взирать на него начали с суеверным почтением, почти со страхом. Преклонение сверстников для любого подростка – искушение непривычное, манящее и невероятно соблазнительное. Конечно, Кэссин не стал бы грабить мертвецов или убивать беззащитных, чтобы насладиться страхом и восхищением остальных, но ведь он и не грабит и не убивает никого.

Он и вообще ничего предосудительного не делает – а сверстники, как ему мнилось, чаще уважают того, кто нашел в себе смелость совершить это самое предосудительное. Ему не пришлось делать ничего такого, к чему душа не лежит. А между тем он вознесся во мнении побегайцев на ослепительную, недостижимую прежде высоту. Он и помыслить не мог ни о чем подобном... наслаждение оказалось настолько острым, что на завтра Кэссин был единственным, кому не хотелось спать после наполненной кошмарами бессонной ночи. Едва дождавшись потемок, побегайцы завалились спать – а Кэссин вытянул из-за пазухи потрепанную книжку, проклеенную полосками, покрытыми ровной скорописью, и углубился в чтение.

От Гвоздя Кэссин все же таил свои ночные занятия, сколько мог, ибо чувствовал смутно, что Гвоздь не только не одобрит их, а и книжку отберет и подзатыльниками накормит досыта. Приходилось пускаться на хитрости. Чтобы наутро не клевать носом, Кэссин занимался не каждую ночь, а через раз: сонный вид выдал бы его Гвоздю с головой. Иногда Кэссин притворялся спящим и лишь после того, как убеждался, что все остальные заснули, выскальзывал за дверь и усаживался разбирать при лунном свете таинственные записи. Одного лишь Кэссин не мог укрыть от бдительного взгляда Гвоздя – своих распухших губ.

Он знал, что не может, не должен больше кричать. Он и не кричал. Когда он приходил в себя на залитой лунным светом портовой улице, губы его были искусаны в кровь, но он больше не кричал. Однажды он прокусил себе язык и едва не захлебнулся кровью прежде, чем ему удалось очнуться. Отоврался он на сей раз не без труда. Гвоздь посмотрел на него так, словно хотел что-то сказать, но все же смолчал: сам он Помело за ночными занятиями не застал ни разу, а бросаться обвинениями по одному лишь подозрению было у него не в обычае.

К этому времени Кэссин считал, что уже наловчился прятать концы в воду, а досадная оплошность с прокушенным языком... с кем не бывает? Однако он удвоил предосторожности, вовсе не желая быть захваченным врасплох. Невозможность похвастаться перед побегайцами, слегка тяготившая его поначалу, больше не занимала его мысли. Нашлось кое-что посерьезнее по части соблазна, чем пустая похвальба.

Сам страх, поначалу едва не убивший Кэссина, сделался для него притягательным. Бывало, по утрам Кэссин и сам клялся себе: «Нет, больше никогда, хватит, так и рехнуться недолго». Так то – по утрам, а чем ближе вечер, тем мучительнее желание снова испытать то необычное, что вознесло его над ровесниками, снова увидеть то, чего не видел никто из них, снова выйти победителем... Бывали, впрочем, и поражения. Первое из них и окончилось прокушенным языком и твердым – поутру – решением навсегда покончить с хождениями в мир иной. Но легко ли смириться с поражением тому, кто знал до сих пор только победы? Кэссин даже не стал дожидаться следующего дня, пожертвовал столь необходимым ему сном и в тот же вечер вернулся на поле своей битвы.

Он не только не хотел больше похвастаться своим избранничеством, но даже иной раз недоумевал слегка: как у него вообще могло возникнуть подобное желание? Восторги побегайцев казались пресными по сравнению с упоительной тревогой, бьющейся в горле перед уходом, и тем торжеством, которое ледяной волной окатывало его всякий раз по возвращении. Да и вообще прелести сытой и тем не менее вольной жизни в Крысильне как-то поблекли рядом с восхитительным неизъяснимым ужасом, с которым так просто соприкоснуться – достаточно взять в руки потрепанную книжку, дожидаться, пока все вокруг начнут выводить носом рулады, и выйти на улицу. К тому же при этом надо глядеть в оба, чтобы не попасться, надо обдурить Гвоздя задача уже сама по себе не из легких. Тайное торжество Кэссина было тем более полным, что и оставалось тайным.

Однако, как гласит пословица, нос на лице не спрячешь. Как ни старался Кэссин, как ни таился, а выдал себя самым глупым образом.

Как-то совершенно неожиданно зарядили дожди. Тяжело обвисшие мокрые паруса наводили уныние. Бережная тускло блестела.

Ступить на потемневший от воды скользкий причал отваживался далеко не всякий. Никакой, или почти никакой, работы для побегайцев в такую погоду в порту не было, и вся ватага отсиживалась в Крысильне, коротая время в бесконечных азартных играх или заслушиваясь воровскими байками Гвоздя – не мог же Помело рассказывать без передышки. Иной раз Мореход удивлял приятелей какой-нибудь совершенно сногшибательной морской историей, услышанной им от щедрых на рассказы моряков, иногда Кастет, запинаясь, излагал жития наиболее почитаемых им воинов. Но куда чаще, если Кэссин уставал угощать всю честную компанию все новыми и новыми выдумками, на помощь ему приходил именно Гвоздь.

– Вот в самый полдень этим остолопам любование луной и устроили, неторопливо повествовал Гвоздь.

Кэссин по своей неопытности в воровском жаргоне было возмутился: какое любование, какая луна, если полдень? В ответ он получил от Гвоздя легкий добродушный подзатыльник и рекомендацию заткнуться, а от Покойника – то же самое и в придачу торопливое пояснение шепотом. Оказывается, язык высокой поэзии, приспособленный ворами для своих нужд, начал в их устах нечто совершенно иное. Любованием луной, к примеру, назывался известный воровской прием: кто-то устраивает драку или как-нибудь еще привлекает к себе внимание окружающих, а куда простачи этой «луной» любят, прочие участники шайки обирают их кошельки. Получив разъяснения от Покойника, Кэссин предпочел впредь Гвоздя не перебивать и вообще помалкивать. По правде говоря, он не был особенно расположен к разговорам. Его снедало нетерпение. Дожди вынудили его оставить занятия на целую неделю: таскать с собой книгу под дождь Кэссин не решался, да и что увидишь в непроглядных мокрых потемках? Читать в Крысильне можно, только если свет зажечь, так ведь мигом все проснутся, и Гвоздь – первый. Заниматься же без книги Кэссин пока еще не отваживался. Так что ему оставалось лишь сидеть в Крысильне и проклинать мерзкие дожди. Хотя только ли проклинать? Может, и благодарить тоже? Пока льют дожди, никаких рассказов на куче старых ящиков не предвидится. И не потребует назад старую книгу ее таинственный обладатель. Ведь не явится

же он, в самом деле, в Крысильню, чтобы дослушать до конца историю злокозненного мага. Пока льют дожди, Кэссину не придется расставаться со своим сокровищем.

Так-то оно так, но ожидание измучило Кэссина свыше сил. Он мог думать только об одном и думал об этом неотступно. Он забывал о голоде и жажде и, лишь когда все остальные побегайцы садились за еду, чувствовал, что голоден. Он пропускал мимо ушей морские байки Морехода, сбивчивые рассказы Кастета и даже захватывающие дух истории Гвоздя слушал вполуха. Он еще заинтересовался «любованием луной», но когда Гвоздь принялся повествовать о том, как с гор нагрянули китобои, неправдоподобность этого события не взволновала его ничуть: с гор – так с гор, китобои – так китобои. Возможно, Гвоздь и подразумевает под этим не совсем то же самое, что и Кэссин... но какая, в сущности, разница?

И только принимаясь за привычный ежедневный труд рассказчика, Кэссин до некоторой степени становился прежним Помелом. Правда, содержание его рассказов поменялось: обычно он предпочитал истории о воинах или ловких мошенниках, а теперь повествовал все больше о магах. Маги его и подвели. С их стороны это было самым настоящим предательством.

Рассказывал Кэссин по-прежнему увлеченно, не жалея подробностей и помогая себе жестами.

– И тогда, – вдохновенно произнес Кэссин, понижая голос до трагического шепота, – великий маг вознес руку над их головами, и по его ладони заструился магический свет...

Баржа взвыл и нырнул под стол. Треножник ринулся к Кастету и впился когтями в его голое плечо – оба они, и Треножник, и Кастет, выразительно мяукнули. Гвоздь бесстрастно выругался.

Кэссин стоял посреди Крысильни. Подражая жесту мага из сказки, Кэссин взмахнул рукой и воздел ее вверх. По его ладони струился магический свет.

Разумеется, окончить историю Кэссину не удалось, да никто от него этого и не требовал. Собственный маг куда ценнее собственного рассказчика, а магический свет на ладони прогнал скуку гораздо основательней, чем обычные рассказы Помела. Побегайцы уже целую неделю отсиживались в Крысильне, и даже самые интересные истории им успели опостылеть до полной обрыдливости. Вопя от восторга, побегайцы облепили Кэссина, словно мухи леденец. Всеобщей радости не разделял только Гвоздь. Он перекинулся парой тихих слов с Покойником, дождался от него ответного кивка и решительно подошел к Кэссину.

– А ну брысь, босота, – хмуро заявил он. – Нам с магом поговорить надо.

Кэссин не был привычен к изъявлениям публичного восторга, и они его если и не смущали, то утомили почти мгновенно. Так что последовал он за Гвоздем по доброй воле, не чуя ничего дурного. Мало ли от чего Гвоздь не в духе! Он в последнее время и вообще редко бывает в ином настроении.

Однако к Гвоздю присоединился Покойник с не менее сумрачной рожей. Кэссин все-ррез забеспокоился. Покойник умнее всех остальных побегайцев... может быть, умнее даже и Гвоздя. Недовольство одного из них могло ничего не значить, но если чем-то недовольны они оба...

– Что стряслось? – спросил Кэссин, едва только Гвоздь с Покойником отвели его подальше от остальных обитателей Крысильни.

– Стряслось! – одними губами усмехнулся Гвоздь. – Нет, вот если б тебя не Покойник привел, я бы и тебе уши на нос натянул, и твоему поручителю.

– За что? – оторопел Кэссин. Он был так растерян, что даже не протестовал.

– Он еще спрашивает! – Покойник возмущенно закашлялся и сплюнул. – У тебя, Помело, червоточина в мозгах завелась, не иначе!

– Слушай, ты, маг недоделанный! – тихо и отчетливо выговорил Гвоздь. Неприятностей от тебя – на телеге не увезешь. Каюсь, моя оплошка вышла. Мне бы книжонку твою отобрать,

пока еще не поздно было, да хобот начистить, чтоб понятие хоть какое проснулось. Я и помыслить не мог, что ты такой дурак. А теперь мы по твоей милости вяпались по уши!

– С какой стати? – Растерянность постепенно проходила, ее место мало-помалу заступал гнев.

– Да ты ему толком объясни, Гвоздь, – вступился Покойник. – У него ведь и правда понятия никакого. Я ведь его потому к нам и привел, что своим умом человек жить не может: чего нет, тем не воспользуешься.

Покойник имел право на такие слова: когда он посоветовал неудачливому попрошайке идти в порт, Кэссин помирал с голоду. В свои двенадцать лет он и представления не имел, как выжить на улице. Но какого рожна Покойнику вздумалось ворошить былое? С тех пор Кэссин и окреп, и поумнел, и научился кой-чему... Да и можно ли говорить о маге словно о дурачке полоумном?

– Объяснить, говоришь... – Гвоздь тяжело вздохнул. – Будь по-твоему. Скажи, Помело, – есть хоть одна шайка в городе, которая живет лучше нашего? Сытнее, вольготней?

Кэссин покачал головой.

– Думаешь, нам так-таки никто и не завидует? Да ты не мотай головой, как больной конь, ты отвечай.

– Завидуют, наверное... – пожал плечами Кэссин.

– Но не трогают, верно? До поры до времени.

– А какая кому выгода нас трогать? – удивился Кэссин. – Если даже найдутся такие, им это ничего не даст. Никому в порту разборки не нужны. И тех, кто на ножах да на кулаках попробует на наше место вскочить, ни грузчики не примут, ни начальство портовое. И еще не сказано, что пострашней будет.

– Соображает, – насмешливо прищурился Покойник.

– Это точно, – вздохнул Гвоздь. – Ложку мимо рта не пронесет. Ради выгоды нас и правда никто не тронет. А если не ради выгоды?

– А ради чего? – Кэссин непонимающе воззрился на Гвоздя.

– А ради того, чтоб нам нос в землю вколотить, – невозмутимо ответил Покойник. – Чтобы мы его не задирали слишком высоко.

– Не удержатся наши ребята, – пояснил Гвоздь. – Похвалятся собственным магом. Хоть я им двадцать раз прикажи язык держать за зубами – не удержат. Про собаку твою никто не рассказывал, потому что вспоминать никому не хотелось. Слишком уж страшно. А про огонек на ладони расскажут. И кто в такое поверит? Среди портовой шпаны, видите ли, маг завелся! Охамели сопляки! Возгордились до неприличия! Заелись! Такое о себе возомнили стерпеть невозможно. Значит, надо проучить.

– Тебя с Кастетом проучишь, – хмыкнул Кэссин.

– Да кто за меня с Кастетом возьмется, Помело ты безмозглое! – взвыл Гвоздь. – Ты бы еще сказал, что найдется такой дурак, который Бантику плюх навешать попробует. Не нас лупить станут для острастки, а мелюзгу. Воробья, Кильку, Морехода... и притом без всякой жалости.

– И что ты нам тогда прикажешь делать, маг-самоучка? – У Покойника нервно дернулся рот. – Если мы в ответ обидчиков отвалтузим, чтобы впредь неповадно, нам и ответят. А мы – им. Ну и дальше той же дубиной по тому же хребту. А ты сам говорил – разборки в порту не потерпят. И выставят нас из Крысильни, как бывшего ухажера с чужой свадьбы. А если стерпеть, смолчать, не ответить – так ведь то на то и придется. Раз мы своих не защищаем значит не можем. Ну а если не можем... тут уж начнут бить по-настоящему.

– Да еще спрашивать станут, – ввернул Гвоздь, – что же маг ваш, мол, вас не защищает. А ведь ты нас защитит не сможешь, если по чести сказать?

Кэссин задумался: такая мысль ему в голову не приходила. Ответ был очевиден, но сознаться не хотелось.

– Пожалуй, все-таки нет. – Ох с каким трудом дались Кэссину эти слова. – Пока – нет.

– Твоя правда, Помело, – кивнул Гвоздь. – Ты и себя защитить не сможешь. Если китобои нагрянут...

– При чем тут китобои? – возопил Кэссин.

Покойник очень замысловато выругался и объяснил. Китобоями среди воров называли банду, оставившую по себе жуткую славу. И вряд ли китобои изменились со времен их последнего налета на город. Занимались китобои крупными взломами, налетами на караваны с золотом и тому подобным промыслом. Городские воры их ненавидели – и за то, что китобои часто оставляли за собой горы трупов, а обычные воры «мокрыми» делами брезгают; и не в последнюю очередь за то, что китобои – народ по большей части пришлый, не местный. А еще за то, что китобои пользовались всюю услугами собственного мага. Маг был не особо силен по части волшебства, да и вообще не совсем в своем уме – как говорят в порту, «вовсе головой наискосок». Но одно заклятие, обладающее огромной разрушительной мощью, этот злобный недоумок помнил. От чего он ополоумел, не знал никто – и никто знать не хотел. Уже и того достаточно, что жив он покуда. И очень стар. Не сегодня-завтра китобоям понадобится замена. Может, они и не поверят слухам о маге-самоучке, маге-мальчишке. Может быть. Но проверить все равно захотят.

– Так что, пока ты здесь, Помело, – подытожил Покойник, – придется нам солоно. И уходить тебе смысла никакого. Китобои тебя с базара снимут еще верней, чем из Крысильни, а нас будут цеплять в любом случае. Базарным рассказчиком тебе уже не быть.

– Вот если бы ты к магу в ученики пошел, – задумчиво произнес Гвоздь, – тогда дело другое. Пока ты сам по себе, китобои тебя загарпунят запросто, а ученика мага тронуть не посмеют. И нас никто не тронет. Это ведь уже не враки, будто среди нас маг завелся, это ведь и проверить можно. А если кто из шайки к магу в ученики попал, такую шайку задевать побоятся. Мы ведь можем и пожаловаться, а ученик мага может не только сам отомстить, но и учителя своего попросить о помощи. Нет, если тебе в настоящие маги податься... лучше не придумашь.

– Так за чем дело стало? – встрепенулся Кэссин.

– Ты совсем сдурел? – возмутился Гвоздь. – Где я тебе среди ночи мага найду?

– А даже если и не среди ночи, – поддержал его Покойник, неодобрительно поглядывая на Кэссина. – Я не знаю, как маги себе учеников берут и где они вообще обретаются. Может, ты знаешь?

Кэссин вновь покачал головой.

– Это у меня в гильдии базарных рассказчиков пара человек знакомых есть, – уныло произнес Гвоздь. – Я бы им за тебя словечко замолвил, они бы за тебя и порадели. А магов знакомых у меня нет... да и гильдий они не составляют. Не знаю я, где нам теперь мага искать.

– Слушай, а может, нам моего благодетеля тряхнуть? – предложил Кэссин. – Взял же он откуда-то эти обрывки, которыми книжку подклеил... А может, он сам и есть маг?

– Едва ли, – покачал головой Покойник. – Стал бы маг своими рукописями подклеивать всякую заваль, а потом совать эту рухлядь первому встречному? Нашел где-то, не иначе. Нет, Помело, как ты ни крути, а не миновать нам искать кого-то на стороне. И побыстрее.

Трудно сказать, что мог бы на это ответить Кэссин, ибо ответить он не успел. По стене внезапно прошла легкая рябь, радужная и прозрачная, как тень от мыльного пузыря. Потом стена сдвинулась в сторону, словно занавесь, и в ее проеме возник давешний слушатель Кэссина. Одной рукой он отодвигал стену, а другой приподнимал над собой струи дождя.

Сердце у Кэссина так и замерло, а потом рванулось и забилось часто-часто. Пересохшие губы сейчас лопнут под напором крови... даже странно, что никто не замечает, как она коло-

тится во внезапно отяжелевших пальцах, будто хочет выплеснуться наружу, вырваться вместе с сердцем вон из глупого неповоротливого тела, которое никак не может сделать шаг навстречу, словно окаменелое.

– Вы... пришли... за мной? – прошелестел Кэссин непослушными губами еле слышно.

Маг утвердительно наклонил голову. Стена за его спиной медленно заращивала проем. И вскоре лишь несколько темных пятен указывали, где он был недавно, – там, где ее коснулись случайно занесенные ветром капли дождя.

– Я... готов, – сипло выдавил Кэссин и шагнул вперед. Гвоздь поймал его за руку.

– Так дела не делаются, – возразил он и обернулся к магу. – Добро пожаловать в Крысильню.

Лишь когда Гвоздь отдал гостю поклон, Кэссин и сам сообразил, что следует поклониться. Он резко перегнулся – словно куклу за веревочки дернули. Где уж ему до Гвоздя! Кэссин так же резко выпрямился, досадуя на себя: никогда ему не сумеет поклониться так, как Гвоздь, с неспешной ленивой насмешливой грацией – почтительно, но не подобострастно. Как равный – равному. Гвоздь самому королю поклонился! бы как равному. И король не нашел бы поводов для недовольства. Как; не нашел их и маг. Он ответил на поклон всего лишь кивком – но медленным и уважительным.

– Негоже отнимать кровь, не возместив вином, – строго произнес слегка побледневший Гвоздь.

Кэссин поперхнулся и закашлялся.

Когда в обучение отдают кровного родича, будущий учитель обязан своими руками налить его родне по чаше вина каждому. Кровью земли возместить кровь, уходящую из семьи. Но у Кэссина нет семьи! И Гвоздь ему никакой не родственник! И какой же небывалой наглостью надо обладать, чтобы указывать магу, что годится, а что не годится!

Но маг, похоже, не разгневался.

– Прошу прощения, – произнес он с улыбкой. – Я и не знал, что он вам родственник. Не то непременно захватил бы вина с собой. Конечно, если родственник...

У Кэссина перехватило дыхание: да что Гвоздь себе позволяет! Гонять мага за вином, как последнего из побегайцев! А если маг оскорбится? А если уйдет – и не придет больше? И Кэссин из-за шуточек Гвоздя упустит такую возможность... второй раз такой не представится, и не надейся даже!

– Младший брат, – спокойно заявил Гвоздь. – Ума, конечно, невеликого, да что поделывать, если такого судьба послала. А вином мы и своим обойдемся. Лишь бы вино было да кому пить.

Он обернулся к замершим от восторженного ужаса побегайцам и рявкнул совершенно уже другим голосом:

– На стол собирайте, живо!

Вот когда пригодились запасы «на черный день»! Маниакально предусмотрительный Гвоздь настаивал, что припасенной в Крысильне еды должно хватать дня на три самое малое, и припас этот постоянно обновлялся: даже в дождь он каждодневно гонял кого-нибудь из побегайцев в лавочку, не позволяя истреблять запас, ничем не восполнив. От выходов под тяжелые отвесные струи дождя был избавлен только Покойник. Остальные бегали за покупками, ворча, что Гвоздь, не иначе, боится с голоду помереть – а может, едва не помер когда-то, раз не может помыслить и день провести возле пустой кладовой. Может, так оно и было. А может, и нет. Главное, что Гвоздь, как всегда, оказался прав. Если бы не его запасливость, кому-нибудь пришлось бы сейчас колотить в двери всех портовых лавок – и еще неизвестно, открылась бы хоть одна из них среди ночи или нет. А до Ночного рынка еще добраться надо, и опять же неизвестно, торгует ли там хоть кто-то в такую погоду. Навряд ли. А теперь торжествующие побегайцы опрометью бросились исполнять распоряжение – есть чем накормить нежданного гостя. И не просто гостя, а мага!

Гвоздь опустил Кэссину руку на плечо.

– А ты что стоишь, словно на якоре?

– Пусть его, – вступился Покойник. – Это ведь его проводы.

– Вот именно, – нахмурился Гвоздь.

Маг снова улыбнулся и смолчал.

Его проводы! В висках у Кэссина стучало, как если бы он только что поднял непосильную тяжесть. Его проводы! До смертного часа он будет вспоминать Гвоздя с благодарностью. Не швалью подзаборной уходит он из Крысильни – его проводят как должно. Пусть видит маг, что не кого попало берет себе в ученики – есть кому проводы устроить. Его проводы!

– Сейчас, Гвоздь, – весело тряхнул головой Кэссин. – Я мигом! Он бросился на помощь остальным побегайцам, не оглядываясь, и не видел, как Гвоздь усмехнулся ему вслед.

– Надеюсь, вы нашим вином не побрезгуете? – еще донесся до него спокойный голос Гвоздя, а потом и ответ мага:

– Ни в коем случае.

Кэссин расставлял глиняные чашки для вина, не чуя ни рук, ни ног. Кастет негромко окликнул его, и Кэссин едва не грохнул от неожиданности всю посуду. По случаю праздника обошлось без подзатыльников, одной язвительной нотацией, но Кэссина она не огорчила. Огорчало его только одно: слишком мала Крысильня, чтобы вместить в себя его восторг, слишком мало народу сидит за столом и смотрит на его торжество! Обычно редкий вечер в Крысильне проходил без посещения портовых сторожей: куда как приятно дать отдых усталым ногам, побраниться с шустрými мальчишками, послушать занимательную историю, а то и хлебнуть вина на дармовщинку. В такой ливень можно было ожидать, что сторожа дневать и ночевать станут в Крысильне, а вот поди ж ты – словно под землю провалились! До чего же обидно, что ни один из них не зашел на огонек, что никто в порту не увидит, как провожают побегайцы будущего ученика мага!

Вино Гвоздь поставил на стол собственноручно: огромный запечатанный кувшин из черного фарфора – пусть и не такое редкое и дорогое вино, как то, что пили побегайцы в памятную им ночь прихода призрачной собаки, но тоже недурное на вкус. Маг окинул кувшин взглядом знатока, удивленно и удовлетворенно хмыкнул, сломал печать и прошел вдоль стола, щедро плеснув в каждую чашку. Последним его ждал Гвоздь с двумя чашками в руках: одна предназначалась магу, другая – ему самому. Потом Гвоздь сделал резкий кивок, и по этому сигналу побегайцы лихо вскочили и выпили вино. Не пили только Кэссин да маг: тот, кто возмещает отнятую кровь, и тот, чья кровь уходит из рода.

Ритуал был соблюден. Застолье могло продолжаться обычным порядком. Кэссин немедленно пригубил крепкое сладкое вино. Маг небольшими глотками прихлебывал из своей чашки. Слегка уже захмелевшие побегайцы потянулись к кувшину: не каждый день доводится пробовать что-нибудь подобное. Воспользовавшись моментом, на стол вспрыгнул Треножник, встопорщил усы и забегал туда-сюда, примериваясь отведать какого-нибудь лакомства под шумок, но совершенно растерялся от их обилия и протестующе замыкал. Бантик изловил кота, перехватив под пузико, усадил к себе на колени и принялся потчевать своего любимца, избавляя его от бремени выбора.

– Как тебя зовут, ученик? – поинтересовался маг, допивая вино.

– Помело, – не подумав, брякнул Кэссин и был награжден в ответ изумленным взглядом.

– Видите ли, – Гвоздь, ничего не скажешь, был отменно вежлив, – здесь не принято интересоваться настоящим именем. Это вроде как голышом по улице бегать. Или как воровать среди своих. Забава для вельмож, одним словом. Среди приличных подонков такое не принято.

– А почему, позвольте полюбопытствовать? – Да, в вежливости маг вору не уступит!

– Сюда приходят не от хорошей жизни, – объяснил Гвоздь. – Здесь собрались те, кому больше некуда идти. Те, у кого больше ничего нет. Ни денег, ни дома, ни семьи. Ничего,

кроме имени. Их имя – их единственное имущество. Выспрашивать об имени – значит украсть последнее. Вот мы и даем друг другу прозвища. Такой уж у нас закон: ты владеешь только именем значит им владеешь только ты. Оно принадлежит тебе.

– Закон хорош, – одобрил маг, – с одной только существенной поправкой: этот парень больше не принадлежит себе – он принадлежит мне. Вместе со своим именем. Так как же тебя все-таки зовут, ученик?

– Кэссин, – ответил Кэссин и сам поразился, до чего непривычно ему было слышать собственное имя, да еще и из своих же уст. Вот уже почти год, как он не произносил и не слышал этого имени. Теперь придется привыкать наново и не вздрагивать и не бежать опрометью, если кто в разговоре помянет помело: это уже не про него.

– Кэссин... гадальщики обычно толкуют это имя как «решимость», задумчиво протянул Гвоздь. – Совсем неплохо...

– А меня зовут Гобэй. – Маг церемонно склонил голову.

– Гобэй, – повторил Гвоздь медленно, словно пробуя имя на вкус. – Что ж, и это неплохо...

Кэссин ожидал, что Гвоздь и это имя истолкует, но Гвоздь смолчал. Не захотел сказать? Или попросту не знает? Вероятнее всего. Не может же человек помнить наизусть Книгу Имен. Скорее уж удивительно, что Гвоздю известно толкование его собственного имени: сам Кэссин, например, его не знал. Уже не в первый раз Кэссин невольно призадумался: интересно, чего и сколько помнит и знает Гвоздь в свои пятнадцать лет? А знает он много. Например, как не позволить застолию превратиться в пьянку с потасовкой. Заморское вино здорово ударило в голову побегайцам, но ни один даже не попытался устроить пьяную драку. Шуму, конечно, хватало – но и только. Компания подгулявших купцов шумела бы куда больше. Вот разве что речи за столом произносились не совсем связные, да никто и малейшего внимания не обращал на Треножника, который удрал-таки от задремавшего Бантика и теперь расхаживал по столу невозбранно, выхватывая еду то из одной, то из другой миски.

– Ты все-таки не забывай нас, Помелище, – почти пропел Мореход в приливе неожиданной симпатии к Кэссину.

– Ни в коем случае, – откликнулся Гобэй раньше, чем Кэссин успел хоть слово сказать. – Не только не забудет, но и станет вас посещать. Можете быть спокойны, никто не потребует от него нарушать верность своим прежним друзьям.

– Верность... – протянул Гвоздь. – Даже так... Он поднялся из-за стола, прошел куда-то в глубь Крысильни и вернулся с узелком в руках.

– Держи, Помело. – В отличие от Морехода Гвоздь был совершенно трезв, но тоже не назвал Кэссина его настоящим именем, словно избегая произносить нечто запретное. – Это все твое. Тебе все равно пора было уходить... мы думали, рассказчиком станешь, а теперь – что уж там... возьми, это твое. Только мало тут. Не думали, что уйдешь так скоро. Так что не взыщи небогатое мы тебе приданое собрали. Не успели. Прости...

Ошеломленный Кэссин принял из рук Гвоздя узелок. Судя по весу, «приданое» было не таким уж маленьким, как считал Гвоздь. Кэссин и на такое не рассчитывал. У него с пяти лет ничего своего не было, даже одежды. Он и позабыл как-то, что побегайцы собирают уходящему кой-какое платье на первое время, немного денег и прочее, а в ответ уходящий задает пирушку.

– Только деньги за угощение вычти из своей доли. – Гвоздь словно мысли его прочитал. – А остальное серебро забирай.

– Совершенно незачем, – поморщился маг. – Смеем заверить, эти деньги ему не понадобятся.

– Но это его деньги, – возразил Гвоздь.

Маг пожал плечами, словно говоря: «А какая разница?»

– Что ж, обычай есть обычай, – уступил он. Гвоздь сноровисто пересчитал деньги, отложил в сторону несколько монет и придвинул остальное Кэссину.

– По-моему, нам пора, – заметил маг, когда Кэссин ссыпал деньги в узелок. – Уже утро.

– Разве? – Покойник с хрустом потянулся, подошел к двери и распахнул ее. – И верно, светает. И дождь кончился.

– Спасибо за угощение, – произнес маг, подымаясь из-за стола. Кэссин вскочил как ошпаренный.

– Попрощайся и пойдем, – распорядился маг. Он шагнул к двери, на мгновение поравнявшись с Покойником, и Кэссин удивился: Покойник был выше на целую ладонь. Вот это да! И как только Кэссин раньше не замечал, что Покойник такой высокий?

– Не робей, Помело, – улыбнулся Покойник.

Кэссин вновь растерялся: он не знал, как ему проститься с побегайцами, не мог найти слов. По счастью, мальчишки здорово охмелели и вряд ли заметят его уход... но Кастет еще держится на ногах, Покойник никогда не пьет помногу, Гвоздь трезв, словно и не влил в себя четыре чашки вина подряд... и что им сказать – непонятно. А ведь что-то сказать хочется...

– Что, Помело, язык проглотил? – усмехнулся Гвоздь. – Это неплохо. Вино крепкое, его закусывать надо. Он ободряюще огрел Кэссина по спине.

– Держись, Помело, – сказал он.

Кэссин в ответ молча треснул Гвоздя промеж лопаток – раньше бы не осмелился! – и вышел на залитую солнцем улицу, где его уже поджидал Гобэй.

– Поторапливайся, – резко приказал маг, но Кэссина его резкость ничуть не огорчила. Утренний свет дробился в каплях недавнего ливня, и над мокрой мостовой дрожали и вспыхивали в воздухе бесчисленные крохотные радуги. Вот так же радужно было и у Кэссина на душе. Он повиновался легко и охотно: ведь приказы ему отдает самый настоящий маг, а он теперь – самый настоящий ученик этого мага! Да прикажи ему Гобэй сейчас разбить голову о парапет набережной – и Кэссин бы выполнил приказ, не задумываясь!

Кэссин не спал до утра, едва ли выспался и предыдущей ночью, но за магом следовал, не зная устали. Остался за спиной порт, один за другим тянулись ремесленные кварталы... вот уже и начались и вовсе не знакомые улицы... Гобэй шел, не сбавляя шага, и Кэссин ни за что не хотел отстать от него. Все же ненадолго остановиться им пришлось: путь преградила длинная похоронная процессия. Хоронили некоего господина Нигори. Собственно говоря, умер он неделю назад, но похороны из-за дождя пришлось отложить. Кэссин краем уха слышал об этом несчастливом совпадении: кто-то из писцов покойного пустил ядовитую шуточку – дескать, господин Нигори повсюду опаздывает, даже в собственную могилу. Язвительные слова писца мигом облетели весь город. Судя по тому, что они по-прежнему были у всех на устах, шутка возникла не на пустом месте.

В другое время Кэссин был бы только рад поглазеть на похоронную процессию. Да и кто в столице откажется взглянуть на похороны важного чиновника и послушать идущих за гробом музыкантов! Барабанчики рокочат на разные лады, невольно заставляя идти в ногу, а флейты выводят такую жалостную мелодию, что на глаза сами собой наворачиваются совершенно искренние слезы скорби по ушедшему в мир иной – даже если ты точно знаешь, что покойный был отъявленным сукиным сыном, притеснителем и лихоимцем. А уж как сверкает золото и серебро на шелках, покрывающих фоб, как играют в лучах утреннего солнца бесценные самоцветы – вообразить себе невозможно! Лучше и не воображать, а глядеть в оба: если повезет, можно заприметить, как с усыпанных жемчугом кистей покрывала, волочащихся по грязи, оторвется жемчужинка-другая, и подобрать ее. Не самый законный промысел, но обычаем не возбраняется. Даже поверье бытует, что таким образом покойный искупает свои грехи, посмертно оделяя имуществом жителей города.

Словом, в любой другой день Кэссин был бы вне себя от восторга, повстречав похоронную процессию. Сейчас же он был вне себя от бессильной досады. Господин Нигори, судя по всему, был действительно очень важной персоной: шествие растянулось едва ли не на полгорода. Вот ведь незадача! Стой теперь, кусай губы, сжимай бессильно кулаки и жди, покуда покойный Нигори доберется до Королевских Усыпальниц: в отличие от простых смертных государственных чиновников хоронят не в семейном склепе, не на городском или деревенском кладбище, а в особых усыпальницах, и путь туда неблизкий. Солнце перевалит далеко за полдень, когда Гобэй и Кэссин смогут наконец пересечь улицу и отправиться туда, где так не терпится оказаться Кэссину, в обиталище мага, в место его средоточия.

– Это совсем уже никуда не годится, – негромко произнес Гобэй. Кэссин его едва расслышал. Потом Гобэй пробормотал еще что-то, а потом крепко стиснул плечо Кэссина. – Идем, – шепнул маг, – только смотри не столкнись ни с кем. И не останавливайся.

Наказание за нарушение похоронного церемониала в столице полагалось суровое, но Кэссин последовал за магом без колебаний. Он осторожно и быстро пересек улицу, стараясь ни на кого не натолкнуться. Странное дело – ни его, ни Гобэя никто даже не заметил. И лишь когда Кэссин остановился и оглянулся на оставшееся за спиной шествие, на него с бранью налетел верзила-водонос: мол, по какому такому праву наглый мальчишка выскочил откуда ни возьмись прямо ему под ноги, да еще так неожиданно, что он всю воду едва не разлил с перепугу?! Да за такие дела полагается!.. Да ему бы, сопляку!.. Да откуда он тут такой вообще?!

– Мальчишка со мной, – холодно сообщил Гобэй, остановившись на мгновение, и водонос рассыпался в извинениях: с плеч Гобэя ниспадал невесть откуда и когда появившийся плащ мага, а с магами ссориться – себе дороже.

– Поторапливайся, – недовольно произнес Гобэй, и Кэссин охотно повиновался: именно этого ему сейчас и хотелось больше всего на свете.

Глава 4

Кэйри

Городских ворот Кэссин почти не увидел; тем более его не занимали тенистые рощицы и влажно сияющие зеленью луга – картины, клубящиеся в его воображении, властно заслоняли собой реальность, и он с нетерпением ждал той минуты, когда одна из этих картин воплотится в жизнь. Каким окажется дом волшебника? То перед мысленным взором Кэссина воздвигались сумрачные замки – один неприступней другого, – то колдовское обиталище взмывало вверх и оказывалось сотканным из облаков, из предутреннего тумана... Однако все фантазии Кэссина, даже и самые буйные, не имели ничего общего с действительностью. Действительность оказалась куда как красочнее.

Кэссин глазам своим не поверил, когда, обогнув холм и миновав рощу, увидел изгородь. Палисандровый сундучок для жертвенных благовоний он у своего дядюшки видел – но забор из палисандра?! Кэссин совсем по-детски протер глаза. Видение не исчезло. Изгородь стояла на прежнем месте.

А за изгородью возвышался... нет, не замок, а дом – но какой дом! На розовом фоне темно-бурые и черные прожилки сплетались в восхитительный узор: вот таинственный лес сплел сучковатые ветви непреодолимой преградой, вот морская волна разбивается о скалистый берег, а вот полосатый тигр притаился в густых зарослях... просто глаза разбегаются! Смотрел бы и смотрел. У мамы была маленькая шкатулочка из такого камня... и очень маленький Кэссин любил, утащив шкатулочку из темного ящика, забраться с ногами на постель и подолгу разглядывать замысловатый узор на ее поверхности... а теперь мамы нет, и шкатулочка перешла невесть в какие руки... а Кэссин даже и не знает, из какого камня она была сделана...

– Что это за камень? – хрипло спросил он Гобэя, не смея даже рукой указать на стены дома.

– Орлец, – равнодушно ответил маг.

Название Кэссину не понравилось. Шкатулочка была ласково теплой, согретой руками Кэссина, а слово – гордым, холодным и чужим каким-то. Великолепие слова, как и великолепие стен, возведенных из чудесного камня, скорее подавляло и восхищало, но не грело душу. Это и понятно: одно дело маленькая шкатулка, и совсем другое – целый дом. Нашел что сравнивать!

Да и сравнивать в общем-то некогда. Не успел Кэссин отдышаться, как ворота в палисандровой изгороди сами собой раскрылись. Некогда глазеть по сторонам – надо войти вслед за Гобэем во внутренний двор, мощный белым и черным камнем, и вновь не останавливаться, а идти дальше, туда, где у дверей уже поджидает волшебника, переломясь в почтительном поклоне, рослый парень в таком роскошном одеянии, что разум отказывается поверить в подобное щегольство.

– Кто-нибудь приходил в мое отсутствие? – не отвечая на поклон, спросил маг.

– Да, кэйри, – ответил богато разодетый верзила и выпрямился. Приходил посыльный от господина Главного министра...

– Что ему надо? – нетерпеливо перебил парня Гобэй. – Впрочем, не важно. Я займусь этим попозже.

Легким движением руки он указал на оторопевшего Кэссина.

– Отведи новичка в Шелковую комнату, – распорядился он. – Пусть его накормят и приведут в приличный вид.

– Да, кэйри, – вновь поклонился парень и сделал Кэссину знак: следуй, мол, за мной.

Если бы не это странное непонятное слово, Кэссин бы ошалел от роскоши внутреннего убранства. А так он почти и не заметил ее – плелся следом за рослым парнем и мучительно

соображал., что же должно означать незнакомое слово? Может, это имя такое? Но маг ведь сказал, как его зовут. Титул? Но такого титула Кэссин и краем уха не слышал...

– Послушай, а почему ты назвал господина мага «кэйри»? – Кэссин не нашел ничего лучшего, как насмелиться и спросить, хотя и не очень надеялся получить ответ.

Однако парень, пусть и нехотя, но все же ответил.

– Кэйри на древнем наречии значит «господин», «мастер», «хозяин», «владелец», «учитель», – пояснял парень с легким оттенком высокомерия в голосе – он откровенно гордился своим знанием. – Очень емкое слово. В нынешнем языке таких нет.

– А я и не знал, что должен так именовать господина мага, – произнес Кэссин.

– А ты и не должен, – отрезал парень. – Права у тебя такого нет. И еще неизвестно, будет ли.

На сей раз Кэссин почел за благо промолчать. Кто его знает, отчего голос у парня сделался таким надменно-ледяным? Может, Кэссин просто оплошал по неведению... а может, и что похуже натворил нечаянно? Нет, как ни sneдает Кэссина желание выяснить все, не сходя с места, а поиски ответов на множество вопросов придется отложить. Да и не поймет он ничего, даже если ему что-то и расскажут: внезапно на Кэссина навалилась такая усталость, что на ходу уснуть в пору. Вот когда сказались бессонные ночи!

Переступая порог Шелковой комнаты, Кэссин был уверен, что уснет прямо на полу, не дойдя до постели. Однако стоило ему увидеть свое новое жилье, и глаза Кэссина поневоле широко раскрылись. Все тело ломило от усталости, но уснуть сейчас Кэссин не смог бы даже под угрозой получения подзатыльников от Гвоздя или Кастета.

Шелковая комната оправдывала свое название. Красное и розовое дерево лучшего качества, именуемое среди торговцев в просторечии «шелковым»... браный узорами шелк покрывал и золотистый паутинный шелк занавесей... сахарное мерцание небольшого удобного стола из «шелкового» мрамора... Шелковая комната восхищала и ошеломляла. Даже у богатого вельможи занялся бы дух при виде этой прихотливой роскоши – что уж тут говорить об уличном мальчишке, сироте, бродяге, приемыше Крысильни!

Кэссин бочком пропихнулся в комнату и остановился посредине, опасаясь даже шелохнуться, чтобы не смять, не порвать, не запачкать ненароком что-нибудь.

– Что стоишь? – преспокойным будничным тоном поинтересовался рослый парень. – Располагайся. Обед тебе сейчас принесут.

Обед? Ах да, Гобэй ведь распорядился, чтобы его накормили... здесь? В Шелковой комнате?!

– После еды советую тебе лечь спать, – продолжал парень. – Впредь у тебя будет не так уж много времени на сон.

Когда худощавый мальчишка, также одетый с почти вызывающей роскошью, принес Кэссину еду, тот уже настолько освоился, что смог заставить себя сесть за стол.

Обед состоял сплошь из каких-то очень вкусных, но совершенно незнакомых Кэссину яств. Кэссин ел медленно, опасаясь уронить святотатственно хоть крошку на великолепный стол или выпить по ошибке воду для полоскания рук. Рослый парень по-прежнему стоял рядом и иронически наблюдал за ним. Кэссин мысленно проклял этого верзилу и сосредоточился на еде. Он изо всех сил таранился на миску с неведомым салатом – а может, и не совсем салатом или совсем не салатом? – и не заметил, когда рядом с парнем появился Гобэй.

Покончив кое-как с едой, Кэссин поднял голову и увидел мага, откровенно наблюдающего за ним. Кэссин судорожно вскочил из-за стола, едва не подавившись недожеванным куском.

– Совершенно не нужно прыгать, как невоспитанная лягушка, – заметил Гобэй. – Все то же самое можно проделать быстро, но плавно, как и подобает ученику мага. Ты насытился?

Кэссин кивнул.

– Тогда можешь отдыхать, – дозволил Гобэй. – Новую одежду тебе принесут, когда разбудят. Старую можешь сохранить для посещений города здесь тебе эти лохмотья не понадобятся.

Лохмотья? Вот уж неправда! Гвоздь всегда говорил, что побегайцы не чета всякому уличному отребью, и следил за тем, чтобы мальчишки одевались прилично. И уж тем более он не дал бы лохмотья в приданое будущему ученику мага! Кэссин открыл было рот, чтобы возразить, – и передумал.

– Книгу отдай, – без всякого сожаления потребовал Гобэй. – Она тебе тоже больше не понадобится.

Легко сказать – отдыхай! Отдыхают обычно после работы, а не до нее. Попробуй-ка отдохни, если ты не устал. Можно лечь и выспаться всласть... но сердце так и колотится в предвкушении невероятного. Кэссин попытался было заснуть: несколько бессонных ночей здорово измотали его. Он не мог ни стоять, ни даже сидеть – глаза слипались, голова кружилась. Однако стоило ему лечь и смежить веки, как они распахивались словно сами собой, против его воли. Бессонница сводила его мышцы судорогой. Он бы сейчас дорого дал за возможность выспаться – и не мог. События последних дней так и мелькали перед глазами, наслаиваясь друг на друга. Их сменяли другие, куда более яркие картины образы будущего могущества будущего мага Кэссина.

Промаявшись без малого час, Кэссин понял, что не уснет, даже если очень захочет. Он не умел спать днем. День в Крысильне – самая что ни на есть горячая пора. Выспался ты или нет, а знай пошевеливайся, да побыстрей! Обычно в это время Кэссин бежал за мясными пампушками для грузчиков... или отправлялся в компании Покойника на верфь за мешками опилок... а интересно все же, что сейчас подельывает Покойник... тоже, наверное, опилки сгребает... или прибирает в Крысильне после вчерашнего пиршества... хотя нет, этим скорее всего занимается Баржа... и занимается, по своему обыкновению, кое-как... и опять огребет подзатыльников от Гвоздя...

При одной мысли о Гвозде и подзатыльниках Кэссин пушинкой слетел с постели. Чертыхнулся, вновь полез под одеяло, еще раз попробовал заснуть... бесполезно, лучше и не пробовать.

Томный от усталости и бесплодных попыток заснуть, Кэссин сполз с постели и начал было прибирать за собой. Едва он взялся за одеяло, дверь распахнулась, и давешний рослый парень быстрыми шагами вошел в Шелковую комнату.

– Тебе кто-то разрешал прибирать за собой? – недовольно осведомился он. – Ты позволения спрашивал?

– Нет, – растерялся Кэссин. – А разве нужно было?

– Нужно, – отрезал верзила и заправил за Кэссином постель с ошеломляющей быстротой. – И не вздумай делать ничего такого, что не ведено.

– То есть как? – оторопел Кэссин. – Если мне, к примеру, велели гостей встречать, а штаны надеть не приказали...

– Значит, ты выйдешь к гостям без штанов! – рявкнул верзила. – Ты здесь пока еще никто, понял? Права у тебя такого нет – делать что вздумается. Да и вообще что угодно.

– Ни постель убирать, ни пыль вытирать? – уточнил ошарашенный Кэссин.

– Ни-че-го! – по слогам процедил долговязый. – Вот будешь зваться учеником, тогда и одежду будешь стирать, и отхожие места чистить... если будешь, конечно. А до тех пор ты и плевать за собой подтереть не смеешь... хотя плевать куда попало я бы тебе все же не советовал.

– Так, значит, нужник чистить – это привилегия, и ее еще заслужить нужно? – изумился Кэссин.

– Вот именно. – Верзила усмехнулся самым краешком губ. – И еще я бы тебе не советовал пытаться делать что-нибудь, когда никто не видит. Все равно ничего не получится.

Он надменно кивнул Кэссину и исчез за дверью.

Кэссин очень скоро убедился в его правоте. Роскошно одетый молоденький ученик, который принес ему ужин, не стал стоять у него над душой и удалился, так что ужинал Кэссин в одиночестве. Но стоило ему, забывшись, попытаться поставить посуду на фарфоровый поднос, как дверь за его спиной тотчас открылась, вошел кто-то из учеников, быстро и ловко собрал опустевшую посуду и без единого слова унес ее.

Не надрываться на тяжелой работе – это одно, а не делать вообще ничего – совсем другое. Нет ничего утомительнее полного безделья. Другой на месте Кэссина уже к вечеру колотил бы кулаками в дверь с воплем: «Выпустите меня отсюда!» Так и рехнуться недолго. Кэссину безделье далось относительно легко – он привык в часы вынужденной скуки выдумывать разные истории или представлять себе, как выглядели герои прочитанных книг, – но и он в конце концов совершенно истомился. Воображение не может работать без отдыха, а молодое сильное тело не может без отдыха бездельничать.

К наступлению темноты Кэссин настолько измаялся, что был готов делать что угодно, лишь бы делать. Даже если бы ему велели вырывать у змей ядовитые зубы голыми руками или перебирать по зернышку полный амбар зерна.

Однако никто не входил в Шелковую комнату, никто не приказывал Кэссину брить каратицу или учить кошку мяукать.

К полуночи Кэссин сообразил, что одно повеление ему все же было дано. Ему приказали хорошенько отдохнуть. Он снова, в который уже раз, полез под одеяло и почти мгновенно уснул.

Когда долговязый ученик разбудил его, Кэссину показалось, что не прошло и минуты. Только-только он успел закрыть глаза – и вот его уже трясут за плечи и стаскивают с него теплое одеяло.

– Разоспался, – недовольно протянул верзила. – Одевайся, живо. До рассвета всего час остался.

«Значит, проспал я не одну минуту, а гораздо дольше», – вяло подумал Кэссин, спросонья промахиваясь мимо рукава.

– Ступай вниз, к воротам, – велел долговязый. Кэссин сонно поплелся к дверям. Верзила ухватил его за плечо.

– Ч-что такое? – невнятно бормотнул Кэссин.

– Если тебе не велели идти медленно, – холодно произнес долговязый, то впредь до отдельного распоряжения ты передвигаешься бегом, и только бегом. Понял?

– П-понял, – еле ворочая губами, вымолвил Кэссин.

– А если понял – исполняй!

Добежав до ворот, Кэссин почти проснулся. У ворот его дожидался Гобэй, и Кэссин даже сообразил поклониться магу.

– Неплохо, – скучным голосом заметил Гобэй. – Почти вовремя. Неплохо для первого раза. Впредь будешь поворачиваться поживей, но на сегодня и так сойдет.

Он обернулся, и Кэссин невольно обернулся следом за ним – куда это маг смотрит?

К воротам неспешно приближался долговязый мучитель Кэссина. Именно на него и был устремлен взор Гобэя.

– Я тобой доволен, – сухо произнес маг. – Продолжай в том же духе. У меня сегодня срочное дело, и я не смогу сам заняться новичком, как собирался. Поручаю его тебе.

– Да, кэйри, – отвечивал долговязый. Маг коротко кивнул и удалился.

– Видишь вон то дерево? – спросил долговязый у Кэссина.

Кэссин не сразу понял, куда указывает верзила, но потом смекнул. Смотреть надо было туда, где на темном ночном небе нет ни звездочки. Нет потому что звезды заслонила могучая крона дальнего дерева.

– Вижу, – кивнул Кэссин.

– Вот тебе магический амулет. – И долговязый вручил Кэссину какую-то висюлину на шнурке. – Беги к этому дереву как можно быстрее. Залезь на самый верх. Прицепи амулет к самой тонкой ветке. И бегом назад. На все про все – четверть часа.

– Не успею! – ужаснулся Кэссин, пытаясь в темноте прикинуть на глаз расстояние до дерева.

– Бегом! – рявкнул проклятый верзила, и Кэссин побежал.

Странно не то, что он все-таки успел добежать и вернуться за отведенные ему четверть часа, а то, что он ухитрился не переломать себе ноги – ни когда бежал, ни когда лез на дерево и, еле дыша, привязывал висюлину к самой тонкой ветке. Вернулся он исцарапанный, весь в синяках и ссадинах, задыхаясь и постанывая от колотья в боку.

– Хорошо бегаешь, – меланхолично восхитился долговязый. – А теперьними его оттуда и принеси мне. Бе-гом!

На этом спокойная жизнь для Кэссина и окончилась бесповоротно. Не имеет значения, что там на дворе – белый день или глухая полночь: знай успевай поворачиваться! И ведь не угадаешь, когда кто-нибудь из старших учеников зайдет в Шелковую комнату с очередным заданием. Бывало, что Кэссин томился ожиданием по двое суток кряду. А бывало, что ему почти неделю не давали и глаз сомкнуть: едва только прильнет Кэссин щекой к изголовью, как над ним воздвигнется кто-нибудь из учеников и вежливо этак вякает. Самого вежливого из них Кэссин особенно невзлюбил: этот тихий зануда, как никто другой, умел всю душу вымотать. Казалось, ему не нравится не только Кэссин, но и весь мир, а заодно и он сам.

– За что мне это наказание? – вопрошал он. – За какие такие грехи я приставлен к этому недотепе? Ты хоть понимаешь, что творишь? И зачем я вообще на свет уродился? Зачем я должен все растолковывать этому придурку?

Его и вообще волновало множество разнообразных «зачем» и «почему». Почему Кэссин такой остолоп, для чего вообще существует такая мерзость, как погода, зачем магия, почему кошка?.. Кэссину очень хотелось ответить на его экзотические вопросы: «А чтобы – вот!» Увы, ответов этот воинствующий ипохондрик и не ждал. Он попросту не давал Кэссину времени ответить. Он гонял Кэссина так, как тому и не снилось в самых кошмарных снах. Впрочем, не он один. Кэссин постоянно испытывал такую зверскую усталость, что вскоре напрочь лишился всякого ощущения времени. Он уже не понимал, минуто, час или день длится урок и сколько дней-часов-секунд он провел в ожидании следующего занятия, – тем более что такие понятия, как завтрак, обед или ужин, потеряли для него всякий смысл. Ему доводилось завтракать на вечерней заре и обедать в полночь. Ему случалось по нескольку дней голодать – или садиться за ужин, едва успев отобедать. Нет, отсчитывать время при помощи трапез Кэссину решительно не удавалось.

Как-то раз, когда с ним занимался не кто-то из старших учеников, а сам Гобэй, Кэссин осмелился спросить, зачем его так мучают.

– Тебя никто не мучает, – отрезал Гобэй. – Тебя всего лишь тренируют. Магия превышает этого косного мира, превышает всего. Магия подчиняет себе любую реальность. Значит, маг должен быть свободен от любой реальности. Преодолеть любую природу... в том числе и свою собственную. Как ты можешь властвовать над тем, что властно над тобой? Впрочем, если тебе это не подходит, тебя никто насильно не заставляет учиться.

Нет нужды говорить, что мог заставить и заставлял Кэссина только один человек – сам Кэссин. Силком на такие мучения никого не подвигнешь: кто угодно сбежит при первой возможности. Так измываться над собой можно только по доброй воле. Ни кандалы, ни угроза физической расправы, ни брань разъяренных тюремщиков не в состоянии так легко принудить человека повиноваться чужой воле, как его собственная.

Кэссин и повиновался, причем с невероятной быстротой, ибо времени на обдумывание приказов не тратил: думать у него не было сил. Их едва хватало на то, чтобы исполнять зада-

ния. Да и стоит ли вдумываться в то, что может быть лишено всякого разумного обоснования? Некоторые задания, на взгляд Кэссина, были попросту бессмысленны. Вспомнить хотя бы тот день, когда он с утра до вечера только и делал, что плевал жеваной бумагой из трубочки в противоположную стену – не по определенной цели, а просто так. Или стоял навтыжку в столовой, где трапезничали старшие ученики, и считал, сколько раз во время застольной беседы прозвучит слово «зеленый» – если, конечно, вообще прозвучит. Поначалу Кэссин еще пытался доискаться хоть какого-то смысла, потом перестал, а потом и вовсе забыл о том, что смысл должен быть, – так же, как он забыл о книге историй, с которой все и началось, забыл о чудовищной собаке, о своих приятелях-побегайцах, да и вообще о Крысильне.

Вспомнил он Крысильню лишь тогда, когда о ней заговорил Гобэй.

– Отчего бы тебе не проведать старых приятелей? – как бы между прочим спросил Гобэй, закончив урок.

– Старых приятелей? – не сразу понял Кэссин.

– Странно, что ты до сих пор так ни разу и не отпросился у меня, чтобы навестить Крысильню, – нахмурился Гобэй.

– Я... я не знал, что это можно... – растерялся Кэссин.

– Будем считать, что так и есть, – уступил Гобэй. – Старых друзей забывать негоже. Если сравнить человека с мечом, то рукоять этого меча верность. Сам подумай – на что годится клинок без рукояти? Вот так и человек, лишенный верности, ни на что не пригоден.

Кэссин ужаснулся: вот сейчас маг решит, что Кэссин лишен верности, а значит, никуда не годится – и уж тем более не годится для обучения искусству магии, вот сейчас прогонит взашей...

– А мне и правда можно пойти в порт? – торопливо спросил он.

– Можно, – ответил Гобэй. – Да вот хоть прямо сейчас. А заодно на обратном пути зайдешь в ювелирный ряд и приведешь ко мне самого лучшего мастера. Скажешь, что для него есть работа.

Кэссин опрометью кинулся в Шелковую комнату, извлек наряд, которым снабдили его на прощание побегайцы, и переоделся: не стоит смущать недавних товарищей по несчастью зрелищем своего нынешнего великолепия.

Выйдя из дому, он немедля пожалел о своем решении. С моря задувал пронизывающий холодный ветер. Кэссин мигом продрог, но решил не возвращаться. Лучше преодолеть расстояние до порта бегом – и согреешься, и времени на дорогу уйдет меньше. И когда это листья успели пожелтеть? Ведь еще лето... или уже нет?

Крысильня встретила своего бывшего приемыша восторженно. Один только Гвоздь, по своему обыкновению, ехидно прищурился.

– Ты мог бы и не переодеваться во что поплоче, – заявил он.

– Да я и не переодевался, – запротестовал Кэссин.

– Вора хочешь обмануть, Помело? – усмехнулся Гвоздь. – Платьишко-то на тебе необмятое и не сношенное ничуть. Да и не стал бы ты его надевать в эдакую холодрыгу, если бы раньше носил: знал бы, что оно совсем легкое. Нет, там, у себя, ты в чем-то другом ходишь, а эту одежду в первый раз надел.

Кэссину оставалось лишь руками развести да покаяться.

– Тут я, и верно, оплошал, – признал он. – Похвалиться перед вами не хотел. В другой раз заявлюсь в таких роскошных одеяниях – даже у Бантика челюсть отвиснет.

Именно Бантик был самым невозмутимым среди побегайцев.

– У Бантика не отвиснет, – возразил Гвоздь. – Сам видишь – нету его.

– А что с ним? – встревожился Кэссин.

– Ничего. Грузчиком Бантик заделался. Третьего дня мы его провожали. Теперь не он, а мы для него в лавочку бегаем.

– Сбылась, значит, мечта, – вздохнул Кэссин. На душе у него внезапно сделалось тоскливо. Хоть и не водил он особой дружбы с Бантиком, а все же без него чего-то недостает. Хорошо еще, что ушел Бантик, а не кто-нибудь, к кому Кэссин испытывал большую приязнь, – например, Покойник.

– Покойничек наш тоже скоро уходит, – сообщил Гвоздь, словно подслушав его мысли. – И мне пора собираться.

– А кто же за главного останется? – растерялся Кэссин. – Кастет?

– Да нет, Кастет тоже якорь поднимает, – вмешался в разговор Покойник. – Его не сегодня-завтра стражником зачислят.

– Он ведь еще возрастом не вышел! – изумился Кэссин.

– Да кто наш возраст разбирать станет! – махнул рукой Гвоздь. – Ты, Помело, сущий олух. Сколько Кастет скажет, столько ему лет и запишут. Хоть двести. Он тут с одним воином давеча в кабаке поспорил, что руку ему уложит, и уложил. А потом там драка завязалась, воин этот вроде как в изрядном подпитии был, и его побить изладились. А Кастет наш его отстоял и из кабака выволок. А воин этот какой-то важной шишкой оказался... не то племянник начальника, не то начальник племянника... одним словом, порадел он за Кастета в благодарность.

– Так кто же все-таки за главного останется? – настаивал Кэссин.

– Не проболтаешься до времени? – спросил Гвоздь.

Кэссин мотнул головой.

– Мореход, – ответил Гвоздь. – Ты глаза-то не пучь, Помело. Сам знаю, что есть ребята и постарше. А потолковее нету. Ведь не на Баржу мне парней оставлять.

Услышанное настроило Кэссина на невеселый лад. Прав Гобэй: совсем он старых друзей позабыл. Надо будет отпроситься у него еще разок-другой, и притом в самое ближайшее время. Не то рискует недосчитаться в Крысильне многих знакомых лиц.

Дурного настроения Кэссина не развеяла даже та легкость, с которой ему удалось выполнить поручение Гобэя. Тем более что ювелир, на которого ему все единодушно указали как на самого лучшего мастера, оказался стариком с норовом. Когда Гобэй высыпал перед ним кучку великолепных самоцветов, старикан долго их рассматривал, а потом пододвинул камни обратно к волшебнику с таким видом, словно это не драгоценные камни, а куски расчлененного трупа.

– Отчего вы молчите, почтенный? – поинтересовался Гобэй.

– Я не буду работать эти камни, – угрюмо ответил ювелир. – И ни один мастер, если он хоть что-то смыслит, не возьмется.

– Отчего так? – прищурился Гобэй. – Разве у меня камни с изъяном? Или поддельные?

– Не поддельные, – сумрачно возразил ювелир. – Мертвые. Ни души в них, ни смысла, ни особицы никакой. Все камни один в один. Живой камень в руки возьмешь, так он тебе и сам подскажет, так его огранить или этак, отшлифовать или на распил пустить, в кольцо он годится или в серьгу. Для веселья камешек или для печали, а то и вовсе на смертный час. А это... лицо старого ювелира передернулось от отвращения, – это и вовсе никуда. В оправу ставить, так и то не выйдет.

– Отчего же не выйдет? – прищурился Гобэй. Он рассеянно подкинул на ладони крупный изумруд, поймал его и сжал руку. Когда он разжал кулак, на его ладони сверкало массивное кольцо.

Старик взгляделся в кольцо, побледнел, ахнул, вскочил и опрометью бросился бежать. Откуда только и прыть взялась! Уже потом Кэссин узнал, что старикан не останавливался до дверей своего дома, стрелой влетел внутрь, велел домочадцам собирать свои пожитки и отбыл из страны еще до захода солнца. На вопрос о причинах спешки он ответил крайне невнятно.

– В стране, где может твориться такое, – нехотя пробормотал старый мастер, – может твориться еще и не такое. И я при этом присутствовать не желаю.

Но об этом Кэссин узнал гораздо позже. А сейчас он был вполне согласен с магом, который процедил старику вслед: «Старый дурень!», полюбовался кольцом и надел его на палец.

Несколько дней Кэссин Гобэя не видел. С ним занимались только ученики. Когда же Гобэй вновь вызвал Кэссина к себе, о новом посещении порта и речи не было.

– Ровно в полдень, – сообщил Гобэй, – мимо наших ворот будет проходить парень. В руках у него будет кусок хлеба. Хлеб у него отберешь и принесешь мне.

Кэссин только кивнул: это поручение было не хуже и не лучше многих других, и смысла в нем было не больше и не меньше, чем обычно. Какая ему разница, что добыть – секретное письмо, кусок хлеба или перстень с печатью господина Главного Министра?

То есть это Кэссин до полудня так думал. До той минуты, когда вдоль палисандровой ограды поплелся парнишка с куском хлеба в руках.

Парнишка испуганно вздрогнул, едва услышав решительные шаги Кэссина, а при виде его так и вовсе сжался в комок. Он не сказал ни слова, не вскрикнул – он лишь взглянул на Кэссина и тут же опустил глаза, словно опасаясь, что ответом на прямой и открытый взгляд может быть только удар кулаком в лицо.

Кэссина так и проняло. Будто его ледяной водой кто окатил. Едва ли миновал год-полтора с тех пор, как он сам смотрел на мир таким же безумным от страха и голода взглядом. Давно ли он считал за благодать найти на помойке вот такой плесневелый черствый кусок? Давно ли обмирал при мысли о том, что бесценные объедки у него могут и отобрать, да еще и плюх навешать? Не оборвыш незнакомый – сам Кэссин смотрел в этот миг на чужого придурка, готового ради развлечения отобрать первый кусок, которым удалось разжиться за три дня голода.

Кэссин хотел протянуть руку – и не смог. Плохо дело. Может, если заговорить с пареньком, оно как-нибудь и получится? Кэссин не раз видел, как шпана сперва взвинчивает себя разговором с будущей жертвой, а уж потом приступает к расправе.

– Жрать, что ли, хочешь? – сквозь зубы процедил Кэссин.

Мальчишка сморщился в тщетной попытке сдержать слезы и кивнул. Кэссина аж замутило. Он еще мог наслаждаться собственным страхом, но никак уж не чужим. Чужие слезы обжигали его не наслаждением, а болью. Чужой голод вызывал у него желание накормить, а не отобрать последний кусок.

Кулак Кэссина разжался сам собой и опустился на плечо паренька открытой ладонью.

– Тогда иди в порт, – против воли вымолвил Кэссин. – Увидишь ватагу пацанов возле грузчиков – спросишь Гвоздя. Если его вдруг на месте не случится, тогда Покойника или Кастета. Скажешь, что Помело привет передает и просит не отказать по старому знакомству.

Парнишка кивнул, все еще не смея поверить собственному счастью – его ведь не избили, хлеб не отобрали да еще дали поручение, за которое могут и накормить. Потом спохватился и так дунул в сторону порта – только пятки засверкали. Но сухарь свой плесневелый он все же не выронил.

Кэссин грустно усмехнулся ему вслед и повернулся.

В воротах стоял Гобэй и глядел на него в упор.

– Догони его, – негромко приказал маг. – Верни. Забери хлеб.

Казалось бы, что тут такого? Кэссин ведь парнишку не куда-нибудь отправил, а в Крысьильню. Там ему с голоду помереть не дадут. Зачем ему нужен этот грязный сухарь? Догнать, окликнуть, отнять... вот только ноги не идут и голос отчего-то не повинуется.

– Возьми хлеб и принеси мне, – еще тише велел Гобэй.

Кэссин и с места не сдвинулся. Он стоял и молча смотрел, как парнишка завернул за угол и исчез из виду.

Гобэй постоял еще немного, потом повернулся и ушел, не говоря ни слова. Лицо у него будто окаменело.

Напрасно Кэссин ждал, что Гобэй или кто-нибудь из учеников придет и позовет его на очередной урок. Его не только никто и никуда не звал – с ним никто и словом не перемолвился. Более того, его словно никто не видел и не слышал. Еду в Шелковую комнату приносили регулярно – но и только. Отныне Кэссина как бы не существовало.

Кэссин плакал, просил, умолял, буянил. Бесполезно. Закатив очередную бесполезную сцену у входа в столовую для старших учеников, Кэссин впал в такое отчаяние, что рухнул ничком на каменный пол и закрыл лицо руками. Его отчаяние никого не тронуло. Ученики перешагивали через него, словно бы не замечая, а кое-кто даже наступил на него.

Можно, конечно, бросить все и уйти... куда? Куда деться человеку от собственной мечты, почти ставшей явью? Раньше Кэссин и не помышлял о большем, чем ремесло базарного рассказчика, а сейчас не мог помыслить о том, как он может рассказывать истории на потеху толпе ради пары монет.

И надо же было ему так проштрафиться! Сухарь заплесневевший у сопляка отобрать не сумел. Почем ему знать – может, этот сухарь был нужен Гобэю для какого-нибудь очень важного магического действия, а Кэссин взял, да и подвел его!

Маг упорно не желал его замечать. Худшей беды Кэссин и вообразить себе не мог. Уж пусть бы его лучше наказали, чем отлучать от ремесла!

Наказали... но ведь недаром говорят, что наказать – значит простить. Может, наказав его, маг смягчится?

Подумав так, Кэссин немного приободрился и принялся караулить, когда же Гобэй пожалует в свои покои. Очевидно, маг был по горло занят, ибо Кэссин почти двое суток простоял, затаившись, пока дождался появления Гобэя. А дождавшись, бросился ему наперерез, рухнул перед ним на колени и ухватил за полу, чтобы не дать ему ускользнуть.

– Господин маг, – задыхаясь, выпалил Кэссин, – накажите меня – я виноват!

Несколько мгновений Гобэй словно обдумывал что-то, потом высвободил одежду из рук Кэссина и вошел к себе. Кэссин так и обмер от горя... но внезапно сообразил, что дверь за собой Гобэй не закрывал. Терзаясь страхом и надеждой, Кэссин последовал за магом.

Гобэй уже сидел за столом. При виде Кэссина он чуть приметно усмехнулся кончиками губ. Или Кэссину примерещилось?

Маг встал из-за стола, открыл потайной ящик в стене и извлек из него плеть с длинной рукоятью.

У Кэссина пересохло в горле. Значит, его высекут. Что ж, не впервой. Чего-чего, а колотушек за свою недолгую жизнь он получил с лихвой. Его лупили соседские мальчишки. То и дело награждали подзатыльниками дядюшкины приказчики. Да и сам дядюшка, если Кэссину не удавалось сделать за день положенное число коробочек, подзывал его к себе, приказывал вытянуть руки и так хлестал его тростью по пальцам, что они потом несколько дней не сгибались. Всякое бывало. Били Кэссина все кому не лень... кроме, разве что, Гвоздя. Странно, но Кэссин не мог припомнить – ударил ли Гвоздь хоть раз кого-нибудь?

Кончик рукояти нетерпеливо дернулся и указал на Кэссина. Тот понял, что означает это движение, и похолодел. Руки совсем его не слушались. Он едва сумел стащить с плеч кафтан и рубаху. Губы у Кэссина тряслись. Мысленно он себя уговаривал, что бояться нечего. Да, ему будет больно. Может быть, даже очень больно. Но потом его простят. Да ему не трястись в пору, а здравицы на радостях петь! Плясать от восторга! Чем хуже ему придется сейчас, тем более полным будет добытое им прошение.

Кэссин и сам не знал, боится он или радуется грядущему помилованию. Вот только губы все равно дрожали.

Кончик рукояти вновь пришел в движение и описал широкую дугу, направленную вниз. Повинуясь этому безмолвному приказу, Кэссин лег на пол и закусил губу. Как ужнибудь он перетерпит.

Разницы между обычными побоями и работой опытного истязателя он еще не знал.

Первый удар словно рассек его спину пополам, как будто плеть в руках Гобэя внезапно превратилась в меч. Кэссин захлебнулся воплем. Теперь, когда он уже мертв, ему больше не будет больно.

Второй удар был еще хуже первого. Третьего Кэссин не почувствовал. Зато он почувствовал, как на него обрушился целый океан ледяной воды. Воды... откуда здесь взялась вода? Ведь Гобэй не держит в своих покоях вазочек с цветами...

Повторно Кэссин потерял сознание на десятом ударе... или на одиннадцатом? Голос он уже сорвал, и вопить было нечем. Дышать тоже было нечем. Да и незачем.

Тело Кэссина само вздрогнуло в ожидании нового удара. Но его слуха коснулся не свист плети, а тихий звук шагов. Кэссин с трудом повернул голову набок.

Гобэй закрывал стеной ящик. Увидев, что Кэссин смотрит на него, маг повелительно взглянул в ответ.

– Вставай! – коротко бросил он.

Прощен!

Кэссин не знал, отчего у него кружится голова – от боли или от радости. Ему было невероятно трудно, но он все же исхитрился сесть, а потом и встать кое-как. Он пошатался и упал в лужу холодной розовой воды... розовой? Ну еще бы...

Гобэй брезгливым пинком переправил поближе к Кэссину сброшенную им одежду.

– Прибери за собой! – распорядился маг. – Развел здесь свинарник. Кэссин обвел комнату мутным взглядом. Розовая лужа вокруг него... и пол весь в розовых и бурых брызгах. Да, насвинячено изрядно.

– Да, господин Гобэй, – прошелестел Кэссин распухшими губами.

– Да, кэйри, – холодно поправил его Гобэй. Сердце у Кэссина едва не замерло от восторга. Он не только прощен, но и произведен в полноправные ученики!

– Да, кэйри, – послушно повторил он.

Поскольку вытирать пол ему было нечем, кроме собственной одежды, ею Кэссин и воспользовался. За время уборки он еще несколько раз терял сознание. Как он добрался до Шелковой комнаты, Кэссин не помнил, но, очевидно, как-то все же добрался, ибо окончательно очнулся не на полу в покоях Гобэя, а в своей постели.

Часть вторая

Кенет

Пролог

Вообще-то чинить дверь подобает хозяину дома, сочинять любовное послание в стихах пристало юному красавцу, а опытному воину, казалось бы, самим его образом жизни заповедано совершенствовать свое мастерство. Но тот, кто приходит в гости к молодому магу, должен быть готов ко всяким неожиданностям. Дверь поновлял не хозяин дома, а юный красавец Наоки, ибо хозяин дома в этот самый момент совершенствовался в воинских искусствах: великий маг Кенет, уцепившись при помощи стоп за здоровенную ветку, ритмично сгибался и разгибался, стараясь достать носом до колен. Чинить дверь даже и при помощи магии затруднительно, если висишь вверх ногами. Зато опытный воин Аканэ не проявлял ни малейшего стремления к нелегким воинским трудам: он мучился над стихотворной строкой любовного послания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.